

Малюков Николай

Когда темнота рассеется

2005

Глава 1

– Что, глубокоуважаемый, Вы записались в ряды рейнджеров, а теперь решили всё толком узнать? Так не делается... и резюме у вас какое-то странное: правильное, но непохожее на то, что в Центрах рейнджеров выдают. Вы медкомиссию прошли?

Я сидел и ёрзал на стуле. Взгляд гаальца буквально пронизывал меня; казалось, что он и есть эта самая медкомиссия, которая просвечивает меня с помощью его острого взгляда.

– Н-нет, – начал было я, но голос почему-то дрожал.

Разве у настоящего смелого рейнджера может дрожать голос в кабинете на Научной базе? Когда напротив, за деревянным столом сидит средних лет гаалец и проверяет его резюме.

– Нет? – удивился тот. – Ну, хорошо, что не врёт. Ладно, если ответите честно на мой вопрос, напишу, что вы прошли медосмотр. Почему вы записались в ряды рейнджеров именно 1 января 3300 года?

– Ну, как же, – немного оживился я, – я с детства мечтал вести дневник. Но только моя жизнь была серой и не наполненной какими-то происшествиями, ради которых стоило что-то подобное организовывать. Может, раз в неделю что-то случится, стоящее для документирования, а что писать другие шесть дней? Как я утром носки искал?..

– Вы не ответили на вопрос, – перебил меня гаалец. – Почему в Новый год?!!

– А когда ещё начинать вести дневник? Надо начинать с какой-то круглой даты. А новое столетие – круглее некуда. А вести дневник, будучи рейнджером не составит труда! Ведь, летая по галактике невозможно считать всё вокруг происходящее серыми буднями. Вот и почва для записей!

– Это вам так кажется, – гаалец нахмурился. – Держите, идите в кабинет номер 163, там вам выдадут форму.

С этими словами он поставил в резюме штамп и протянул его мне. Взяв резюме, я встал и направился, было, из кабинета.

– Рейнджер, постойте. До конца недели у нас скидка на зонды. Спешите купить!

– Да нет, спасибо. Вот если бы скидка на артефакты, то с радостью, – ехидно сказал я.

– Что-что? Какие ещё артефакты?

Вспомнив, что в научных кругах артефакты принято называть «нестандартным оборудованием», я продолжил разговор:

– Нестандартное дополнительное оборудование.

– Ну а причём тут артефакты?

– А что же ещё можно назвать «нестандартным оборудованием»?

– Разведзонды.

Слово, такое ледяное, такое короткое и резкое. Хотя у меня не было денег на покупку артефактов, в любом случае, из теории жизни рейнджера это слово вывернуло здоровый кусок. Артефакты, понятно, крепятся к оборудованию («как» я пока туманно представлял), улучшая его характеристики, геологические зонды же... Мой голос опять начал дрожать.

– И-и зач-чем они нужны р-рейнджерам?

– Только не говорите, что вам не было сказано слетать разок-другой на экскурсию в центр рейнджеров, на военную базу, познакомиться с кем-то из отставных военных да порасспрашивать их толком о жизни ре...

Гаалец не закончил. Он, конечно, мог говорить и дальше, но только слушателя больше не было. Я никогда не любил нравоучений. Особенно, когда они задевали за живое. И в этот раз тоже.

Я шёл по коридору, рассматривая двери и обдумывая слова гаальца. Что он имел в виду когда сказал, что заблуждаюсь в романтике рейнджерства? И я так и не дослушал, для чего же нужны зонды.

165, 166... кажется, я пропустил свою дверь. Резко развернувшись, я ударился обо что-то, отлетел и упал на задницу. Это «что-то» оказалось «кем-то» и это был малок в форме механика. Он пристально смотрел на меня, будто видел людей довольно редко.

– Чего путаешься под ногами? – громыхнул он.

– Я, это, прошёл свою дверь... и...

Ну почему, почему уже второй раз на этой базе я не могу говорить спокойно с её персоналом?!!

– Эй, розовая морда, я кажется тебя спросил!

– Я бы попросил мне не грубить. В статье 34 Галактической конвенции о правах и обязанностях...

– И??? Что ты мне тычешь призрачной конвенцией? – прервал мою тираду по правам малок. – Небось, она с тобой, да? И чего – будешь меня ею по голове лупить? Вот сейчас засуну тебя в дематериализатор и не спасёт тебя ни конвенция, ни... никто, в общем, не спасёт!

Я поднялся на ноги. Даже если бы у меня и была с собой Конвенция, стукнуть его по голове стереокнигой я бы не смог – не достал бы. Только сейчас я заметил, какой этот малок огромный. Рост под три метра, а костюм на нём сидел как на футболисте ползунки – подходящего размера у начальства он так и не выпросил. Я решил сменить тактику.

– Меня зовут...

– А мне плевать! – зарычал малок. – Прочь с глаз моих, мелкий шпок.

Лицо малока стало ярко-красным, а на лбу стали проступать вены. Зрелище ужасное. Я бросился к ближайшей двери. Дверь оказалась открыта. Я ввалился в кабинет, захлопнул дверь и навалился на неё спиной. Сомневаюсь, что это остановило бы освирепевшего механика, но для самоубеждения это было то, что нужно. В кабинете никого не было. Я закрыл глаза и прислушался к звукам в коридоре – кажется малок уходил, что-то недовольно ворча. Когда его шаги стихли, меня кто-то тронул за плечо. Не открывая глаз, я выскочил из кабинета... Слишком много впечатлений и нервы не выдержали.

«Нет! – Сказал я себе. – Я ещё не рейнджер, прохожу обычные бюрократические процедуры, а так мне страшно. Меня пугает каждый, кого я пока тут встретил. А что будет в космосе, когда я встречу с доминаторами? Стоп... Правильно, я ведь ЕЩЁ не рейнджер. Ха, чувак, ещё не поздно свалить с этого фестиваля, отправиться обратно на Землю. И что? Что из этого выйдет? Вернуться к прежней жизни, в которой я никому не нужен? А если я стану рейнджером, я что – стану кому-то нужен? Галактике, как гласит агитационный плакат, призывающий пополнять ряды рейнджеров? Очередная фальшь ментотехнологов. Но и к прежней жизни возвращаться не хочется. Каждый день был похож на замкнутый цикл: завтрак, работа на ферме фарюков (ой, эта вонь!), обед, стереовизор, ужин, плазмощашки с соседом (как там его зовут?)... и опять, и опять и опять снова, каждый день по одной и той же схеме. Я никогда не был пунктуальным, а, значит, это вовсе не распорядок дня, это – безысходность. Нет, на Земле у меня нет будущего! Моя цель – кабинет номер 163. Ещё будет время переоценить ситуацию.»

Перепуг от пережитого прошёл. Я поднял голову, чтобы посмотреть на номер кабинета. 163... Как же глупо я буду выглядеть в глазах того, кто находится в этом кабинете, и кто тронул меня за плечо минуту назад, отчего я вылетел из комнаты как ошпаренный. Но выбора у меня не было.

Я осторожно открыл дверь и заглянул в кабинет. Теперь за карналитовым столом сидел феянин. Худой молодой феянин в халате учёного улыбнулся и сказал:

– Вступительный инструктаж. Проходите.

– Я... извините что недавно выскочил из кабинета... Меня немного обескуражил ваш механик. И я был немного э-э-э, обескуражен... – Я старался не использовать слово «испуг», поскольку что это за человек – трус – который собрался стать рейнджером.

– Ничего-ничего. Меня то вы не боит... То есть я вас не обескураживаю?

– Нет.

Феянин выглядел добрым и в его улыбке было понимание, а не издевка.

– Дерран, действительно, кого хочешь может испуг... обескуражить. Дело в том, что его воспитывали пеленги. На самом деле он неплохой, но с нескрываемой неприязнью относится к рейнджерам-новобранцам. Ему кажется, впрочем, так кажется всем малокам, что правильным было бы организовывать набор в регулярные войска, а не потакать рейнджерству.

«Вот уж взрывоопасная смесь – малок, воспитанный пеленгами! – подумал я.»

– Я вот к вам с документом, меня сюда послали из комнаты 111.

– Всё правильно. Присаживайтесь. – феянин взял документ, который я протянул ему.

Пока он изучал моё резюме, я осмотрел кабинет. Только теперь я разглядел в левой от меня стене дверь, ведущую, как мне показалось, в подсобку или какое-то помещение типа того. Там, очевидно и находился феянин, когда я в первый раз вломился сюда, спасаясь от раскрасневшегося малока.

Между тем феянин встал, пошёл к «подсобке», и скрылся за её дверью. Где-то через полминуты он вышел из того помещения, неся в руках аккуратно сложенную форму новичка. Ну, конечно же, «подсобка» это не что иное, как склад одежды!

Феянин вручил мне форму со словами:

– Теперь вам в кабинет 200. Ой, нет, стойте. Вам нужен вступительный инструктаж?

– Не откажусь.

Феянин улыбнулся:

– Мозг даю на разжижение, но окажусь прав, если скажу, что, летя сюда, вы думали, что почти всё знаете о жизни рейнджера! – Теперь его улыбка выглядела хитро.

– Да уж, было дело. – Признался я. – Эти все ролики...

– Ой, бросьте! – отмахнулся феянин. – Вы ещё скажите принимали их взаправду?!!

– Ну-у... – Протянул я. – Да. А что, не стоило?

– Как вам сказать? Вы же не поверите, если пеленги будут рекламировать продажу фирменных лаптопов за ценой, вдвое ниже общепринятой галактической? Вы же догадаетесь, как и любое другое цивилизованное существо, что лаптопы краденые?

– Допустим.

– Так и реклама романтики рейджерства это просто пропаганда. Всем давно известно, что регулярная армия – это бараки, портянки, учения и много другой неприятной возни. Говоря по сути, даже реклама, о том, что душные бараки армейских частей заменяют одноместными коттеджами с кондиционерами, не введёт в заблуждение и малокского младенца.

– Особенно малокского.

– Это вы точно подметили. – Согласился феянин. – А рейнджерство – это нечто скрытое за сотнями рекламных роликов, тысячами плакатов со взрывающимися доминаторами и ярким красками обшивок кораблей. Скрыты будни рядового рейнджера за десятками интервью у знаменитостей из первой пятёрки общегалактического рейтинга, которые скорее полетят биться против доминаторов без генератора защиты, чем вспомнят о своих первых шагах в роли рейнджера. Скрытое, и, соответственно, неизвестное широким массам. А разве не приятно поверить в такую сказку? Не пеленгскую, заметьте, небылицу, а в добротню отснятые гаальские призывы о вступлении в ряды рейнджеров. Только глупцы не поверят гаальцам.

– Вы хотите сказать, что только глупцы идут в рейнджеры? – удивился я.

Мой голос был дружелюбным, как мне казалось, и этот вопрос не мог испугать феянина тоном, которым был задан. Но феянину показалось иначе.

– Что вы, что вы! – затараторил он. – Ой, у меня обеденный перерыв. Напомню вам ещё раз, что теперь вам следует навестить кабинет 200. До свидания.

С этими словами феянин встал, снял с себя халат и направился к двери, ведущей из кабинета. Остановившись подле неё, инструктор, не рассказавший ничего толком, только

ещё больше расшатавший мою теорию о жизни рейнджеров, развернулся и обратился ко мне:

– Мне придётся закрыть дверь. Вы же не хотите просидеть в моём кабинете весь перерыв?

Я молча встал и вышел из кабинета. За мной вышел феянин. Я пошёл в направлении, где, как я думал, должна быть комната 200. Феянин, закрыв дверь, пошёл в другую сторону.

Коридор, по обе стороны которого были двери в разные кабинеты, заканчивался шлюзом с надписью «Кабинет № 200. Начальник отдела вооружений». Подойдя к шлюзу, который бесшумно открылся при моём приближении, я остановился. Не сейчас ли именно тот момент, когда стоит отказаться от этой затеи? Мои мысли прервал громкий голос:

– Ну, рейнджер, не томи мою горемычную душу – не стой в проходе, заходи, или отходи, чтоб шлюз закрылся, а то сквозняк, а у меня и без того в пояснице тянет.

– Сквозняки? – Удивился я.

– Да зайди уже наконец!

Прямо передо мной появился, невесть откуда, малок в военной форме и со шрамом на лице. Я почему-то не испугался, хоть вид у него был намного грознее чем у малока-механика. Спустя секунду я понял – грозности образа его лишает глупая улыбка!

– Привет, новенький. Давненько к нам никто не навевывался. Всем в центре рейнджеров говорят, что полную информацию по доминаторам они получают только по достижении звания «Кадет». Вот и решают прилететь потом, чтоб всё сразу узнать.

Заметив моё глупое удивление, улыбка исчезла с лица малока, но страшным он всё равно не стал:

– Тебе что – не говорили?

Я отрицательно замотал головой:

– Я ещё не летал в Центр рейнджеров.

Малок разразился хохотом. Медали, висющие на стене, от этого начали звенеть.

– Как же ты записался в рейнджеры??? – недоумённо спросил он.

– Подал заявку на сайте в gaidnet.

В глазах малока вдруг появилось сочувствие.

– Без информации, бедненький... Только скудный минимум со страниц сайта. Не рассказали как это тяжело быть рейнджером. – Сочувствие в его глазах тотчас сменилось хитрецей. – Не то что в рядах регулярной армии. Как смотришь, чтоб пополнить ряды доблестного Галактического флота?

– Да я вообще всерьёз задумываюсь о карьере...

– Как же ты сюда прилетел? – Малок опять выглядел недоумённо.

– На собственном корабле. 3 года мастерил из прогулочного катера.

Малок упал и от смеха начал качаться по полу. Несколько медалей от его падения тоже упали со стенда на стене.

– На катере... прогулочном... собственно-ом... – Заливался от смеху начальник отдела вооружений. В его глазах я выглядел, по меньшей мере, глупцом.

Вдруг малок успокоился и сел прямо на полу.

– Не в моей компетенции учить тебя тому, что должны тебе были рассказать, а в твоём случае ещё расскажут, в Центре рейнджеров, но поверь, По сравнению с моим рассказом их басенки покажутся тебе баландой для новорожденных детишек, у которых зубки ещё не прорезались! Садись. – Малок указал на стул рядом с огромным деревянным столом, покрытым лаковой субстанцией для предотвращения старения.

Сам стол казался очень древним и переливался зелёными тонами то ли от лака, то ли от своей природы. Малок встал с пола и направился к креслу по другую сторону стола – на место начальника. Когда я уселся в отведённое мне кресло, то, для удобства, положил руки на стол. Тот оказался не деревянным и ничем не был покрыт. Поверхность была

шершавой и, как будто мокрой. Малок поймал мой вопросительный взгляд и прокомментировал:

– Рогост! Подарок одного из моих старых друзей-военных. Его дед выбил этот кусок из Эгемона в клисанской войне. Стереоучебники по истории, надеюсь, читал.

– Те, которые про клисанскую войну – от первого до последнего знака.

– Хвалю. Знания тебе пригодятся – много чего изменилось, но и в то же время основы остались неизблемы. Так вот, стол из того самого рогоста. На заказ делали.

– Впечатляющая вещь! – ответил я, проводя пальцами по поверхности.

– А то! – согласился малок. – Хорошо, теперь перейдём к делу. Ты, конечно, без сомнения, хороший механик, раз сам сделал боевой, ведь боевой, правда, корабль из прогулочного катера. Только вот куда ты будешь оружие устанавливать?

– Я переделал отсеки для спасательных шлюпок.

Кончики рта малока опять поползли к ушам, но он почему-то сдержал смех.

– И как ты собираешься стрелять из орудий? Наймёшь по стрелку для каждого, чтоб сидел прямо на пушке, поворачивал и стрелял из неё?

– Не понял.

– А в технические подробности устройства корабля даже в Центре рейнджеров не посвящают! – малок самодовольно откинулся на спинку кресла. – Понимаешь, все корабли Коалиции – универсальны: все оборудованы одинаково похоже, за исключением конфигурации корпуса. Есть пять максимально доступных орудийных слотов. Все они оборудованы универсальными коннекторами для орудий. Короче, ставишь пушку в такой отсек – бортовой компьютер сам разберет, что это за пушка, покажет её боевые характеристики и всё такое. То же самое со слотами под бак, ремонтного дроида и... с тонкостями оборудования ты, естественно, знаком, иначе даже бы не пытался смастерить собственный корабль?

Я кивнул. Малок продолжал.

– С артефактами чуть по-другому. Когда-то, как ты знаешь из истории, оборудование делалось с соответствующим разъемом для артефакта, улучшающего именно этот тип оборудования. Сейчас все перешли на универсализм! В трюме есть специальный отсек, куда складываются все артефакты. В компьютере ты просто указываешь, какой из всех собранных артефактов хочешь подключить к системе корабля. Лёгким нажатием артефакт подключается к универсальному разъему для артефактов, оборудование, с которым должен тот взаимодействовать, определяет артефакт и начинается технологический симбиоз. Мораль усёк?

– Мораль? А должен был?

– В учебниках о клисанской войне как было написано? «Воины могли подключать любое количество артефактов, боясь только того, что объём корабля окажется малым...». Сейчас, как я уже говорил, и скажу, наверно, ещё не один раз это слово, всё УНИВЕРСАЛЬНОЕ, и в связи с этим на корабле в один момент могут работать не более четырёх артефактов. Чтоб не делать оборудование со специальными коннекторами, производители решили поместить в него просто микросхему, содержащую информацию об артефакте для этого оборудования. Вот и всё.

Я молчал. Ещё такого сюрприза мне не хватало! Сначала узнал, что базы не торгуют артефактами, а теперь, что оных больше четырёх штук одновременно на корабле работать не заставишь.

– А как же работает чёрная жижа с баком? Она же создаёт топливо! – я был полон решимости задать этому малоку все наболевшие вопросы, на которые не ответили гаалец, любящий читать морали и голодный феянин.

– Почём мне знать? Я специализируюсь на улучшении оружия – тонкостям оборудования и артефактов тебя должны были обучить в предыдущих кабинетах. Смею предположить, что раз всё такое универсальное, может, из каждого слота под артефакт

ведёт трубка какая к баку. Бросаешь в отсек чёрную жижу, вуаля – топливо по трубке и перетекает.

– Вполне убедительно, – согласился я теорией малока. – А для чего нужны рейнджерам разведзонды?

– Рейнджер, да что ты делал в предыдущих кабинетах??? Эх, ну да ладно – я ведь обещал тебя во все тонкости посвятить. В галактике есть незаселённые планеты, так?! Для постоянного проживания условия на них неприемлемы, а вот пиратам чтоб от военных спрятаться или награбленное добро спрятать – в самый раз. Со сбитых кораблей тоже может что-то упасть на поверхность. На такую вот планетку прилетает рейнджер, выбрасывает на орбиту зонды, они и начинают прочёсывать поверхность. Авось что полезное для тебя и найдут. Понятно?

– Хорошо, а почему я не могу летать на собственном корабле?

– Ты что, не слушал меня? – усилил голос малок. – Всё универсальное, на самопальной консервной банке ничего работать не будет. Для взаимодействия всего этого нужен бортовой компьютер с определённым набором программного обеспечения, для разговора с другими кораблями, например. Не сомневаюсь, что на твоей таратайке стоит какая-нибудь низкочастотная пищалка, но на чью волну она настроена? Прогулочных катеров??? Должна стоять УНИВЕРСАЛЬНАЯ рация.

Всё, что сказал малок, было произнесено на одном выдохе. Теперь он с храпом набирал воздух в лёгкие. Я хотел было что-то спросить, но малок уже вдохнул и продолжал свой громогласный монолог.

– Ты вообще какой-то неправильный рейнджер. В их ряды не бегут гуманоиды с собственным кораблём. Ты должен был записаться на своей планете, тебе бы пришла повестка, ты бы отправился в коспопорт, оттуда, на лайнере, тебя бы перевезли в Центр рейнджеров. А там бы тебе выдали корабль.

– Корабль??? – я подпрыгнул на стуле.

– Ну, новичок, поменьше энтузиазма. Обычное барахло, списанное с вооружения регулярных частей. Тем не менее, это – чёткий ход ментотехнологов. Раз тебе дают халаявный корабль, значит и ты должен что-то дать в ответ. Например, верное и окончательное решение стать рейнджером. И если бы ты сделал так, как я сказал, тебя бы не мучили сомнения, быть им или нет. А корабль – рядовой хлам массового производства со, всего лишь, тремя (в лучшем случае четырьмя) слотами под оружие, и чертовски маленького объёма. Многие рейнджеры так и погибают, не заработав на нормальный корпус для боевых действий. Ну что можно сделать с тремя пушками? Дипломата запугать? И то сомнительно, а воевать – и подавно невозможно.

– Ладно, я узнал, кажется, всё что хотел. И что мне теперь делать – лететь в Центр рейнджеров.

– Постой. – Малок встал из-за стола, подошёл к шкафу позади его кресла, взял какой-то бланк и вернулся на место. – Давай поменяемся: ты мне дашь свой самодельный корабль, а я тебе неплохой зонд и три тысячи кредитов. Ну как, идёт?

Я задумался. Корабль, который я создавал три года, оказывается, ни на что не годен в условиях военных действий. Но столько сил было потрачено, и средств в него вложено... Я видел – малок уже заполнял бланк. Что ж, выбор был невелик и очевиден: остаться с сентиментальной развалюхой или получить неплохой стартовый капитал. В голове назрел ещё один вопрос.

– А что если мне надоест быть рейнджером?

– Да ты о чём? – Малок оторвался от заполняемого им бланка и удивлённо посмотрел на меня. – Ещё никому не надоело быть рейнджером. А даже если так, ты всё равно будешь им. Даже, если осядешь на какой ни будь провинциальной планетке и будешь там полоть клумбы с цветочками тебя не удалят из списка. Только твоя смерть ставит крест на твоей карьере.

– А какой им смысл давать мне корабль бесплатно – я же могу полететь туда, куда хочу и продать его, и остаться там. – Удивился я.

– Можешь. Вопрос в том, кто купит, – начальник отдела вооружений хохотнул и продолжил. – А причина, по которой тебе дают кораблик на халяву очевидна: военным не придётся больше тратить деньги на содержание этого морально устаревшего судна. А Центр рейнджеров ещё им какую-то копейку заплатит, так сказать, за благотворительность... Не вешай нос, корабли, которые дают не такие уж плохие как я тут их критикую. Просто, есть космолёты лучше.

В это время малок закончил заполнять бланк.

– Вот, держи. Иди в посадочный отсек, там тебя ждёт лайнер. Он повезёт тебя в Центр рейнджеров. Будешь лететь около 10 часов – поспи немного. Полёт оплачен. Потом, когда всё утрясёшь с тамошними бюрократами, возвращайся – на складе тебя будет ждать зонд.

– Спасибо, – сказал я, беря бумагу, протянутую малоком.

– Кстати, ты в курсе о пункте приёма? А то тебе, вижу, только я обрисовал полную картину рейнджерства?

– Пункты приёма? Выбитого из доминаторов оборудования? Слышал.

– Он на третьем ярусе. До встречи.

Я вышел из кабинета. «Приятный начальник, – подумал я. – Никакими нравоучениями не пичкал – всё честно и без лишнего притворства. Ой, он же не сказал куда мне в том Центре обратиться!». Развернувшись, я услышал из-за шлюза:

– Пойдёшь в кабинет 101! – Кричал малок. – Там покажешь своё резюме.

В голове проскользнула мысль: «Странно, ведь все шлюзы звуконепроницаемые! Вот это голос у начальника!!!»

Осмотрев, непонятно зачем, коридор ещё раз, я пошёл к выходу на посадочную площадку. Шаги отдавали гулким эхом, и их звук размеренно исчезал в обоих направлениях коридора. Я прошёл уже половину пути, когда погас свет, а пол под ногами тряхнуло. Вдруг появился свет красного цвета, как я понял, – аварийный. Загудели сирены. Двери кабинетов пооткрывались, и, только что пустующий коридор наполнился гуманоидами разных рас. Крика не было. Поток народа хлынул в том направлении, куда шёл я. Этот поток завлёл меня, и вот уже, окружённый учёными, я оказался на посадочной площадке. Там стоял всего один лайнер – по-видимому тот, который предназначался для моей отправки на Центр рейнджеров. Как я заметил, моего корабля уже в ангаре не было. Учёные шли дальше, к лайнеру, всё также организованно, и вырваться из этого потока особей с лицами, на которых не рисовалось ничего, кроме олимпийского спокойствия, не представлялось возможным.

Оказавшись в лайнере, поток стал редеть – гуманоиды расходились по отсекам. Базу тряхнуло ещё раз – теперь сильнее. Я не удержал равновесия и плюхнулся в ближайшее кресло. Послышалось шипение поршней – трап убирался внутрь лайнера и входной шлюз закрывался. «Пожалуйста, приготовьтесь к взлёту, – сообщил механический голос из репродуктора, который оказался прямо над моим креслом. – Начинаю герметизацию помещений.» Послышался едва различимый гул. Через минуту гул стих и голос сообщил «Начинаем взлёт, прошу...» Последние слова затмил рёв двигателя. Корабль оторвался от посадочной платформы. В иллюминаторе было видно, как раздвигаются массивные створки шлюза посадочного отсека, открывая за собой бескрайний космос. Рёв стих и слышались негромкие, отрывистые реплики пассажиров лайнера. Проскочила мысль: «Что там говорил начальник отдела вооружений – на лайнере можно будет вздремнуть? Как раз самое время.» Лёгкая вибрация кресла успокаивала. Я закрыл глаза и уснул.

Глава 2

-Дурак, дурак...

Что-то со свистом пролетело над головой. Глаза я не открывал, но прислушался к разговору.

– О, я вам очень благодарен, что вы, наконец, приняли мою теорию. Но, позвольте заметить, я всё же не заслуживаю сравнения с так величайшим гаальским деятелем, как господин Дуурак.

– Да нет же, нет, не Дуурак, а дурак. Просто ДУРАК!!!

Я приоткрыл глаза. Человек, низенький и толстый, с лысиной на макушке, обзывал дураком тощего гаальца. Остатки волос на голове пухлого человека были растрёпаны, а сам он покраснел. Глаза бегали, будто что-то искали. Гаалец же был спокоен, в руках держал высокую жёлтую вазу, которая, по всей видимости и пролетела надо мной.

Отсек был полупустой – на местах для пассажиров сидело около двадцати гуманоидов. В их числе преобладали феяне и люди. Было ещё два малока и три гаальца. Я подметил: «Удивительно, но за всё мое путешествие я ещё не видел ни одного пеленга.»

– Извините, но в таком случае я не понимаю о чём вы, – гаалец говорил так же спокойно, как и выглядел.

– Я о том, что ты глупый! Как тебя вообще могли взять работать на научную базу?! – глаза человека перестали бегать, и он стал приглаживать волосы.

– К вашему сведению, дорогой коллега, – продолжал гаалец (слова про необразованность наконец задела его за живое) уже нервным тоном. – Я окончил Гаальский университет на планете Илоока. А, как вам известно, гаальские университеты самые лучшие во всей галактике!

Послышались шепоты нескольких феян и гаальцев. Люди же ждали ответа своего соотечественника. Наконец пригладив волосы, человек, будто не заметив реплики гаальца, продолжил брызгать слюной:

– Ну как, о ужас, как можно считать, что победа в войне может быть достигнута исключительно усилиями регулярных воинских частей? Как?! Разве история вас ничему не научила? Будущее за рейнджерством, однозначно!

– Рейнджеры свободны в своём выборе. Вот вы когда-нибудь видели у воина, среди его наград, Кроличью голову или Чёрную метку? Рейнджеры – трусы! Известно только пару случаев, когда рейнджеры в одиночку освобождали захваченные системы без помощи военных.

– История, дорогой друг, обратитесь к истории. Разве вы не читали, как во время клисанской войны, Великий Герой, чьё имя затерялось среди тысяч имён ветеранов, в одиночку освобождал системы, а потом разгадал тайну Махпеллы. Он ведь был именно рейнджером!

– Как же не знаю, он был моим прадедом! – гордо заключил гаалец.

Человек хмыкнул:

– Все так говорят. Если бы его имя не было сегодня неизвестным, многие самодовольные особы, типа вас, вели бы себя поскромнее, – человек скривился и начал копировать голос гаальца. – Он был моим прадедом... Это говорят родители всем детям, что именно их предок освободил нашу галактику, от ужаса, который сеяли клисаны. Они думают, что так научат своих детей понятиям нравственности, гордости и героизма. А в результате что? Из таких-вот «обученных» детей вырастают самовлюблённые... дураки!

Человек, довольный тем, как завершил свою фразу, победоносно сложил перекрещённые руки на груди. Теперь уже не выдержал гаалец. Он рванулся с места и побежал в мою сторону. Я быстро закрыл глаза и притворился спящим. Он подбежал и стал меня тормозить. Когда я, сладко зевнув, приоткрыл глаза, гаалец наклонился низко к моему лицу, и, почти крича, заговорил:

– Я прошу прощения за прерывание вашего отдыха, – небрежно бросил он. – Но не могли бы вы помочь мне в споре с коллегой всё разложить по полкам.

Я недоумённо уставился на гаальца, изображая, будто не понимаю, о чём разговор – будто я не слышал их перепалки и крепко спал, пока он не разбудил меня.

– Прошу прощения ещё раз. У нас с коллегой, – теперь гаалец говорил более приветливо; ткнув пальцем в направлении лысого человека он продолжал. – Спор насчёт того, за каким видом войск будущее: за регулярной армией или рейнджерами?

– Да оставь парня в покое! – послышался голос человека. – Он же рейнджер! Догадайся, каким будет его ответ.

– Он ещё не рейнджер, – процедил сквозь зубы гаалец, обернувшись к человеку.

– Да-а-а, – протянул человек, и, подумав немного, продолжил. – Тогда с таким же успехом о будущем войны можешь спросить у фермера! Его оценка ситуации неадекватна, поскольку ему не известны тонкости ситуации.

– Но он хочет стать рейнджером. А это уже больше, чем «спросить фермера». Ну так как?

Гаалец, наконец, развернулся ко мне и вопросительно смотрел прямо в глаза. То ли я уже привык ко всему этому, то ли из-за сонного состояния я не нервничал:

– Мне кажется, что только при взаимопомощи военных рейнджеры положат конец войне.

Я сконструировал фразу, максимально лояльную к обеим спорящим сторонам. Гаалец хныкнул, а человек о чём-то задумался.

– Это не ответ, – сказал гаалец. – Ответ должен соответствовать вопросу, а ты отвечаешь как какой-то политик, если того «жмут» журналисты.

– Дурень соломенный, – оборвал гаальца всё тот же лысый человек. – Он же ясно сказал «при помощи военных РЕЙНДЖЕРЫ положат конец войне»! Только истинные глупцы как ты не могут заметить скрытый контекст, содержащийся во фразе.

– Сам... соломенный! – гаалец говорил без ноты смущения: он знал, что ответить на этот вопрос ещё до того, как человек задал его. – Не при «помощи», а «при взаимопомощи»!

– Одно и то же!

– Нет, ни одно.

– Одно.

– Нет!

«Корабль совершает посадку. Пассажиры могут проходить к выходу», – сообщил голос из репродуктора. Все сидящие встали и направились к выходу. Впереди них шли спорящие гаалец и человек. Когда их пререкания стихли в глубине лайнера, я тоже встал и пошёл к выходу. Ориентироваться в направлении помогали стрелки с надписью «Выход» у каждого поворота.

Выйдя из корабля, я осмотрелся. Неужели, мы прилетели обратно на научную базу?! Всё вокруг выглядело так же, как ангар, с которого лайнер взлетел несколько часов назад. Справа от лайнера стоял корабль тёмно-красного цвета, размеры которого было сложно оценить. Мне показалось, что тот корабль такой же ширины, что и лайнер, на котором прилетел я, хотя и короче почти в два раза. Люки трюма тёмно-красного корабля были открыты, и я увидел, как внутрь въезжают и выезжают роботы, похожие на грузовые глайдеры, только на колёсах. В своих прозрачных закрытых кузовах они вывозили с корабля бирюзовую субстанцию. Выехав из космолёта, каждый грузовик направлялся к вертикальному подъёмнику в углу ангара. Подъёмник состоял из двух параллельных частей с горизонтальными площадками, расположенными не симметрично на той и другой частях. Одна двигалась вверх и исчезала в высоком потолке. На площадке этой части грузовые роботы сгружали свои наполненные кузова. Вторая, точно такая же часть, двигалась вниз. На её площадках стояли пустые контейнеры. Положив полный контейнер на площадку, идущую вверх, робот ждал пока до уровня пола спустится площадка с пустым. Взяв его, робот устанавливал пустой контейнер как кузов и отправлялся обратно во внутренности красного корабля за новой порцией субстанции. Всё это напоминало крупномасштабный муравейник. Зрелище выглядело интересным, но ничуть не завораживающим.

Понаблюдав самую малость за этим процессом, я решил, что лучше не терять времени, а идти в кабинет 101. Я никуда не спешил, но все мысли в голове обрывала одна-единственная: «Вспомни, зачем ты здесь». Я вспоминал, и места для других мыслей не оставалось. Такой огромной была эта, что ли? Это как сидишь перед приёмом у доктора и ждёшь своей очереди: кажется, уже десятки раз ты посещал его, и знаешь, что ничего противного тебя не ждёт. Но ожидание вносит свою лепту в это утверждение, и начинаешь нервничать, в уме рисуются картины непонятно из чего... Словом, если бы не приходилось ждать, не приходилось бы и нервничать. Ожидание неизвестного (хоть ты и был у этого доктора, всё же не можешь знать наверняка, что могут сделать с тобой именно в этот раз) подмывает спокойствие.

А в случае, когда ты пришёл записываться в рейнджеры, эта неизвестность пугает ещё больше. Столько голосов «за»: реклама, плакаты, выпуски новостей о красочной и интересной жизни... и столько же голосов против в виде укоризненных вздохов чиновников, которые, казалось бы, должны только дополнять картину полной идиллии, рушат втолкованные пропагандой стереотипы. Это – классическая теория заговора, выполненная на «пять с плюсом» и призванная вовлечь вас туда, откуда нет возврата.

– Кабинет 101! – гаркнул я, чтобы испарились все мысли, от которых начинала уже болеть голова.

Благо, вокруг меня никого не было, а то им бы пришлось констатировать, что мне надо не в кабинет 101, а в Медицинский центр. Слева я увидел эскалатор и направился к нему. Ступеньки плавно подхватили меня и вынесли на высший ярус. Им оказалась узкая платформа, расположенная по периметру ангара вдоль стены. Форма ангара была четырёхугольной, и из разных углов к противоположным тянулись узкие дорожки. На их пересечении была достаточно большая круглая платформа с четырьмя пультами (коробки с кнопками казались пультами с такого расстояния), назначение которых было мне неизвестно. К одному как раз подошёл малок и что-то нажал. Оказалось, пульт установлен на маленькой платформе, которая отделилась от большой круглой и понесла малока к кабине тёмно-красного корабля – того самого, из которого роботы что-то выгружали. «Вот оно что – это посадочное устройство для капитанов космолётов! А почему такого не было на научной базе?», – подумал я. Тем временем малок спрыгнул в рубку своего корабля, закрыл люк. Через двадцать секунд корабль еле заметно поднялся на антигравитационной тяге и развернулся на 180 градусов. Над одним из шлюзов в стене засветилось «Взлётный отсек № 2 готов». Створки шлюза поползли в стороны, а корабль малока двинулся в отсек, который те обнажили за собой. Створки двинулись обратно. Когда они плотно сомкнулись, надпись над шлюзом сменилась на «Разгерметизация...», а через мгновение стала «Внешний шлюз открыт».

Вероятно, малок на своём корабле покинул Центр рейнджеров, поскольку внешний шлюз закрылся и помещение за контрольным шлюзом было вновь загерметизировано о чём сообщили соответствующие надписи. Это был не мой ярус. Рядом с эскалатором был ещё один, ведущий на следующий, высший ярус. Я шагнул на ступеньку и был плавно доставлен туда, откуда вдаль уходил коридор с кабинетами по обе стороны. «Моя остановка», – подумал я. Идти долго не пришлось – кабинет 101 был рядом с эскалатором, прямо напротив кабинета номер 100.

Я открыл дверь нужного мне кабинета. По комнате лилась тяжёлая для восприятия ритмичная музыка. В углу стоял стол, а за ним шкаф. Посреди комнаты был расстелен карналитовый ковёр, на котором на голове крутился пеленг. Под звучный удар барабанов, пеленг вдруг резко спрыгнул с головы на ноги, поднял одну. Под затихающий гитарный риф пеленг упал на одну руку, раскручиваясь вокруг своей оси, энергично отталкиваясь тремя свободными руками. Ноги он держал на весу и крутился очень быстро. Под барабанный стук, он плавно (я даже не заметил каким движением) встал на ноги, продолжая при этом крутиться по инерции. Музыка затихла в тот момент, когда пеленг прекратил вращаться. Остановился он повернутый ко мне лицом, на котором началась

просматриваться капля (всего лишь малюсенькая капелька) смущения. Но это смущение было вызвано вовсе не моим присутствием.

– Отстал на четверть такта. Вот досада! – чертыхнулся пеленг.

– А, по-моему, всё выглядело правильно.

«Если он не смущён, то я и подавно», – между тем подумал я.

– Где там правильно! Я должен был сесть на шпагат, нижней парой рук упереться в пол, поднять туловище, не опуская ног, а верхнюю пару сложить вверху. Вот так, смотри.

Пеленг уселся на пол и проделал всё так, как и описал: этим самым он стал похож на несимметричный знак +.

– Так ведь отстал же, а через неделю соревнования. Вот, должен готовиться даже на рабочем месте.

– Соревнования? – удивился я.

– Да! Это танец, который называется... по-моему «Брей»! Где-то тысячелетие назад он был популярен у вас, людей, но ваше правительство о нём забыло, а наших несколько министров культуры, укра... договорились о передаче сведений по танцу нашей расе. А с этим, – он растопырил обе пары рук. – С этим у нас открывается больше возможностей по реализации телодвижений.

Довольный, пеленг снял с головы шапку из непонятого материала, и пошёл к столу. Усевшись на стул за ним, он продолжил:

– Ты, наверное, в рейнджеры записаться? А почему не с остальными?

– Да были неотложные дела. Прилетел вот на лайнере.

– С учёными? Дела на Научной базе??? Впрочем, мне без разницы, – бросая шапку в задвижку стола, пеленг будто о чём-то вспомнил, и его лицо, окрашенное досадой от неудавшегося танца, вдруг осветила глупая, натянутая улыбка. – Добро пожаловать в Центр рейнджеров «Бриз». Я начальник службы вербования Муть. Станьте рейнджером и сбросьте бремя террора Доминаторов.

Вся это фраза выглядела так надуманно, что казалось это призыв не на вступление в ряды рейнджеров, а предложение купить что-то до ужаса палёное. Я, не хотя участвовать в этом маскараде, просто подал пеленгу своё резюме. Улыбка не исчезала с его лица, и, что самое страшное, она ни на каплю не изменилась: как будто ему в рот что-то вставили, что заставляет губы находиться именно в таком положении.

В кабинете повисла тишина. Пеленг внимательно изучал моё досье, а я сидел на стуле напротив, наблюдая за его лицом. Казалось, что даже приставь я сейчас ему к голове бластер, ни одна мышца лица не дрогнет, и улыбка, порядком разозлившая меня, так и останется на его хитром лице.

Пеленг молча развернулся на стуле, открыл дверцу шкафа, достал оттуда значок и какую-то нашивку.

– Рад вам сообщить, что, нацепив этот значок на правую часть костюма рейнджера и приклеив этот погон на левое плечо, вы станете рейнджером со званием «Новичок».

Пеленг протянул мне значок и погон, поставил печать в резюме. Я взял всё это добро и вдруг вспомнил: «Костюм – я ведь оставил его на борту лайнера!»

– Дальше вам, раз медосмотр вы уже прошли, в кабинет 188. Затем – костюм можно получить на Научной базе, но раз там вы побывали то, смею предположить, он у вас уже есть. Настоятельно рекомендую перед походом в 188-ой не переодеваться в рейнджерское одеяние – это может огорчить Львова – начальника отдела инструктажа. Львоов очень хорошо рассказывает о достоинствах рейнджерства, но про костюм на Научной базе должен сообщать именно он.

– Спасибо, – я вскочил и рванул что было мочи к двери.

Я хлопнул дверью и побежал к эскалатору. Спустившись на нижний ярус моей радости не было предела – лайнер всё ещё не улетел. Сложно описать, как мне не хотелось лететь снова на Научную базу. Без проблем отыскав место на котором я сидел, я забрал пакет с костюмом. Всё теми же эскалаторами поднялся на третий ярус и стал искать кабинет 188.

За дверью с табличкой «188» был кабинет, окрашенный в светло-жёлтые тона, в отличие от всех предыдущих – на Научной базе и уже тут – стены которых были серыми. Комната была всё так же просто оборудована: стол, кресло за столом и стул перед ним, шкаф. За столом сидел гаалец в жёлтой накидке с коричневыми пятнами. Глаза его смотрели куда-то на потолок. Взгляд был пустым и грустным: хотелось поднять глаза и посмотреть, что же гаалец увидел на потолке.

Я начал закрывать дверь и она скрипнула. Гаалец сразу оторвался от созерцания потолка и посмотрел на меня. На лице у него появилась милая улыбка, но до ужаса надуманная. А вот его глаза действительно выражали радость: в них читалось, что гаалец любит поговорить и наконец подвернулась такая возможность.

– Здесь не было никого вот уже день! – начал гаалец. – Так скучно. Раньше через мой кабинет проходило не менее пяти человек в день, а теперь...

Улыбка исчезла его лица. Очевидно, ему просто надоело улыбаться. Гаалец продолжал:

– Теперь очень мало людей записывается в рейнджеры. Вы, – он бросил взгляд на стерео экран компьютера. – Будете тридцать пятым.

Причину, почему же сейчас люди не рвутся в рейнджеры, я спрашивать не стал, учитывая то, что этот гаалец как раз тот, кто и должен рассказать мне о рейнджерских буднях и устроить ликбез по управлению кораблём. Он бы всё равно выдумал какую-нибудь благородную причину.

Гаалец щёлкнул несколькими кнопками у основания монитора (все команды отдавались на ментальном уровне, либо вслух, смотря на какую частоту настроена аппаратура, а кнопки нужны были только для подтверждения). После этого он сказал:

– Теперь всё официально – вы рейнджер. Но для достойного вида вам нужен костюм. Значок и погон вам уже выдали, а вот костюм... За костюмом придется лететь на Научную базу.

– А почему костюмы нельзя выдать прямо тут? – не выдержал я, потому что эта затея – с выдачей костюмов на Научной базе – и впрямь казалась мне глупой.

– Понимаете, костюмы сделаны из специального материала, и транспортировка их небезопасна, так как технология производства их засекречена. А эта самая технология нужна много кому!

Классическое пояснение, нечего сказать! Ну кому нужна технология их костюмов? Пиратам для устрашения и создания видимости беспредела, который творят рейнджеры – на пару с военными их главная угроза? Сомнительно, но даже если так, можно бы было состряпать похожий костюм из любого другого материала, нацепить самодельный значок и пугать капитанов транспортных судов. Кто будет приглядываться к костюму, если с него требуют груз под угрозой смерти, да ещё и учитывая помехи на экране коммуникатора? Хотя, чего я ждал – он ответил в стиле работника Центра рейнджеров.

– Хорошо, давайте пройдем в ангар – думаю, ваш корабль уже доставили, – прервал мои раздумья гаалец.

Мы вышли из кабинета. Пока мы проходили весь путь от двери и до второго яруса, у гаальца не закрывался рот: он вёл проповедь о том, как прекрасно и почётно быть рейнджером; только изредка, при удобном случае, он прерывал свой блестяще заученный монолог, становился боком, плавным взмахом руки указывал направление куда надо было идти, и говорил: «Нам сюда, прошу».

Дойдя до круга посреди второго яруса, мы остановились. Все 4 посадочные площадки были заняты: на первой по-прежнему стоял лайнер, на котором я прилетел. На второй стоял зелёный корабль, точь-в-точь такой, как в последнем агитролике Центра рейнджеров (где рейнджер-человек с хвостиком сбивает пирата-пеленга и который потом, катапультировавшись, подлетает к кораблю рейнджера с бомбой... бум – неудачный ролик), поэтому я догадался, что это корабль пеленгского пирата. С площадки, с которой некоторое время назад улетел малок стоял бледно-серый с кое-где полосами синего оттенка маленький корабль. На четвёртой площадке стоял малокский корабль (сложно

было сказать, тот ли это самый). Гаалец своим коронным жестом подтвердил мои опасения, указав на маленький корабль человеческого производства.

Мы встали на маленькую платформу, которая понесла нас к кабине, теперь уже моего, корабля. Рядом стоял малокский звездолет, так что можно было оценить его размеры. Мой корабль был, чуть ли не в полтора раза, меньшим (и это только «на глаз»). Обшивка в некоторых местах была наспех выправлена от глубоких вмятин. Увиденное вызывало мороз по коже – мой самодельный корабль хоть и был «трандулетом», но я знал, на что он способен.

Площадка остановилась. По правую руку находился открытый люк. Гаалец спустился в него и позвал за собой. Я спрыгнул с платформы на корпус корабля и тоже полез в люк.

– Закрывать не обязательно, – сказал гаалец.

Совсем рядом с шахтой, завершающейся вверх люком, из которого спускались мы, сразу за поворотом. Рубка была маленькой и отделена от коридора шлюзом. В ней было кресло капитана, к которому, для того чтоб сесть, можно было подойти только боком. Перед креслом была приборная панель со штурвалом, который мог убираться внутрь оной. Позади кресла стоял маленький дематериализатор гаальского производства (интересно, кто-то ещё делал микродематериализаторы кроме помешанных на чистоте гаальцев?).

– Садитесь. – Предложил гаалец.

Я сел, а гаалец встал позади кресла.

– Прежде всего положите сюда вашу ладонь, – сказал он, указав на бок спинки кресла. – Память корабельного компьютера очищена, это нужно для идентификации хозяина.

Я послушался, приложив руку к зелёному экрану. Изнутри полился свет. Когда свечение прекратилось, я убрал руку – зелёный экран пропал. Я даже не заметил как это произошло: то ли он убрался внутрь, то ли скрылся под створками, то ли просто стал серым, как и цвет кресла.

– Отлично. Вот эти три оранжевые кнопки слева от штурвала вызывают три диалоговых экрана, – продолжал гаалец. – Первая вызывает экран сканирования чужого корабля. Если вы купите и установите сканер – слот под это оборудование имеется на этом прекрасном корабле – то, нажав на эту кнопку и ткнув пальцем на корабль на радаре, – гаалец показал на небольшой проекционный экран справа, в самом углу приборной панели. – Экран включиться автоматически и покажет вам многие характеристики чужого корабля.

Я нажал на кнопку. Никакого экрана не появилось.

– А почему ничего не произошло? Вы, наверное, не поставили мне сканер? – невыдержал я. Уж очень хотелось услышать, что он скажет на этот упрёк.

– О, многоуважаемый, мы решили не навязывать вам своего мнения, предоставляя вам тем самым возможность самовыражения в выборе.

Красиво он извернулся, ничего не скажешь. Гаалец, между тем, продолжал.

– Средняя кнопка используется для диалога с обслуживающим персоналом станций. Можно так же контактировать и с правительством, но, мой вам совет, – все планеты неповторимы и неплохо бы было пройтись к зданию правительства, которое находится прямо около космодрома, и посмотреть хотя бы краем глаза на быт планеты. Ой, что-то я не о главном! Прежде вам надо нажать вот эту зелёную кнопку, – он показал на зелёную кнопку над штурвалом. – Нажатие подключит ваш бортовой компьютер к терминалу станции.

Я нажал на зелёную кнопку. На экране над штурвалом (над которым и была зелёная кнопка) что-то засветилось. Только сейчас я обратил на этот экран внимание – на нём была полоса с двумя чувствительными кнопками: «корабль» и «информация». Последняя светилась тусклым синим светом. Остальную часть экрана занимало окно, на котором была надпись «Терминалы синхронизированы». Теперь я нажал среднюю оранжевую кнопку.

Посреди лобового иллюминатора выскочила прозрачная панель. По аналогии с малым экраном над штурвалом здесь была полоса с надписями. Я нажал «Торговый центр». Экран заполнила информация о ценах на товары на базе. Всего было по немного и всё средней стоимости. В рейнджеры я шёл не для торговли, поэтому я снова нажал на оранжевую кнопку – экран исчез. Я обернулся и посмотрел на гаалеца. Он понял, что играть с кнопками мне надоело, и принялся объяснять дальше:

– Оставшаяся оранжевая кнопка, третья, используется для диалога с другими кораблями в космосе. Жмёте её и так же, как в случае со сканером, выбираете корабль на экране радара. На экране вы увидите пилота корабля, а он сможет видеть вас – эти диалоговые экраны работают по приёмно-показывающей технологии – верх универсализма – не нужно никаких камер!

Я, было, потянулся к третьей оранжевой кнопке, но гаалец оборвал мою попытку:

– Бросьте вести себя как маленький! Мы же на станции, корпус которой не пропускает волны. С кем вы собираетесь говорить. О, кстати, если вы на станции или планете, выполнив синхронизацию терминалов, вы можете просканировать другие корабли в ангаре без наличия соответствующей аппаратуры! Так что нажимайте на зелёную кнопку каждый раз после приземления.

На «кнопочку»?!! Теперь он вёл себя как маленький. Я очень не люблю сюсюканий!

– Ремонт без нажатия на неё провести будет невозможно, – продолжал речь гаалец. – Так как ремонтные боты просто не будут знать о вашем приземлении. А вот правительство планеты или главный персонал базы будет, так что вы не сможете приземлиться незамеченным.

– А что это за экран над штурвалом? – не выдержал я.

– А, вы обратили внимание на информационный экран! Очень хорошо – здесь, видите, есть два режима: «корабль» и «информация». Корабль в удобном виде покажет информацию об оборудовании корабля, о вашем состоянии, если вы заболели... Да, впрочем, вы сами разберётесь что там за информация – ничего сложного нет! «Информация» содержит текстовые сообщения в виде маленьких значков, нажмите пальцем на какой-то из них, и сможете прочитать его сообщение. С помощью такой вот информации бортовой компьютер будет сообщать о вашем самочувствии; если командиры кораблей будут обращаться к кому-то в режиме общей трансляции, то содержание разговора будет тоже появляться в окне «Информация»... Вот, вроде и всё.

– Резюме вам показывать? – спохватился я, когда гаалец развернулся и уже собирался уходить.

– Нет необходимости. Инструктаж – вовсе не обязательная часть при записи в ряды рейнджеров. Поэтому в резюме ничего не отмечается. О, да, – теперь вам на Научную базу за костюмом рейнджера.

– А зачем он мне? – вот этого я действительно понять не мог.

– Не разочаровывайте меня такими глупыми вопросами. У рабочего каждой профессии есть спецодежда. Не пойдёт же рабочий кристаллиновых рудников на работу в домашнем халате?!! Всё, теперь я вас покидаю, счастливого пути.

– Логично, весьма логично. Спасибо за инструктаж. До встречи.

Не знаю, слышал ли мои последние слова гаалец, который в это время уже поднимался по лестнице к выходу из корабля.

Теперь я мог не спеша осмотреть приборную панель. Гаалец рассказал далеко не обо всех кнопках и переключателях. Но обо всех неподписанных. Было ещё множество кнопок, слева даже два экрана: один с надписью «Рейтинг», а второй значился как «Карта» – подо всем были бирки с описанием назначения. Я нашёл кнопку взлёт и нажал на неё: что-то зашипело (я услышал, как люк, через который я попал на корабль захлопнулся) – корабль герметизировался; затем он повторил манёвр малокского корабля, который я видел, стоя на втором ярусе. Шлюз открылся, и мой корабль влетел в

промежуточный отсек. Шлюз захлопнулся и, секунд через 10, после разгерметизации помещения, открылся внешний шлюз.

Корабль плавно понёсся к выходу, включился двигатель, и вот корабль по дуге уже отлетал от станции.

Глава 3

Как мне не хотелось лететь на Научную базу, а поскорее начать уживаться в роли рейнджера, входящее сообщение развеяло все мои надежды.

Послышался тихий гудок, и кнопка «Информация» замигала синим цветом. Нажав на неё, мне представился список сообщений. Собственно, это было бы списком, будь сообщений побольше, а так это был всего лишь один значок в виде жёлтого листка бумаги с надписями. Содержание выбранного сообщения было таково:

«Настоятельно рекомендуем вам получить базовую информацию о доминаторах на научной базе «Аномальная» в этой же звёздной системе. Руководство Центра рейнджеров «Бриз».

Выбор был, но мотивация забрать зонд и справиться о враге, его – выбора как такового, не оставляла.

Курс можно было заложить на экране радара, что я и сделал. Ручное управление не составляло труда для того, кто хотя бы раз водил космические челноки, и я, отказавшись от услуг автопилота, повёл корабль к цели вручную. Не излишним будет сказать, что мне было очень интересно, что же скрывают в себе экраны «Карта» и «Рейтинг», выключенные до этого момента.

Я потянулся рукой к включателям... Корабль тряхнуло и он остановился – прямо перед носом пролетел гаальский лайнер. «И всё-таки, какое же полезное изобретение – навигационные мюоновые блоки! Вот бы их на астероиды установить, – шутя, подумал я. – Цены бы не было».

Теперь можно было заняться изучением давно манящих своей неизвестностью экранов. Рейтинг оказался списком из всех зарегистрированных на данный момент рейнджеров. Я оказался тридцать пятым. В моём активе было по ноль сбитых кораблей... в общем, всего по ноль. Ради интереса я посмотрел на того, кто был в списке первым. Им оказался феянин по имени Алиций (сбито 55 доминаторов, 32 пирата, ещё какие-то сбитые корабли, на которые я не смотрел). «Интересно, сколько уже времени он рейнджер», – подумал я.

Экран «Карта» показывал карту галактики, я бы сказал весьма примитивно – всё пространство было поделено на секторы, большинство из которых были пустыми (сломана карта, что ли), а на заполненных звёздные системы отображались точками с подписанными названиями.

– Могли бы уже и карту галактики, как радар, объёмной сделать, а то так как-то... – размышлял вслух я, – как-то не по-современному. Прямо кремниевый век какой-то!

Такую карту я видел в первый раз. Прогулочные катеры не были приспособлены для гиперпрыжков, поэтому на моём самодельном звездолёте, который начальник с Научной базы давно отправил на переплавку, карты галактики не было – кораблям, курсирующим в пределах одной звёздной системы такие карты ни к чему.

Вести корабль вручную и одновременно рассматривать приборную панель – занятия, отвлекающие друг от друга. Поэтому корабль уже давно летел на автопилоте. До прилёта на Научную базу ещё оставалось много времени (я вспомнил полёт на лайнере, который был достаточно длинным, раз я смог прилично поспать), поэтому я решил переодеться в форму рейнджера. Захватив пакет с костюмом и идентификационными значками, покинув рубку пилота, я оказался на развилке трёх узких коридоров – один вёл к посадочному люку, над вторым было написано «Трюм. В данный момент хода нет». Мои пути ограничивались третьим коридором, уходящим направо. Коридор оказался очень

коротким и привёл меня в маленькую, скромно обставленную каюту. По правую руку у стены стоял холодильник. Не долго думая, я открыл его и, в который раз, разочаровался в комплектации корабля – холодильник был пуст. У стены с иллюминатором стояла кровать. На матрасе не было простыни, на одеяле – пододеяльника. Подушка вообще отсутствовала. У левой стены стоял стол с поставленным подле обшарпанным креслом зелёного цвета, который до ужаса не гармонировал с металлическими стенами. В углу, между кроватью и столом, стояла тумба. Вся эта мебель оставляла посреди каюты чуть больше квадратного метра свободного пространства.

Старую одежду я положил на тумбу, а сам оделся в костюм рейнджера. Размер мне подходил. Я достал из пакета значок и прицепил его справа на груди. Погон выглядел так: посредине была птичья голова, а что-то наподобие крыльев симметрично расположилось с обеих сторон этой головы. Поднеся погон к левому плечу, он будто выскочил из руки и намертво прилип к костюму. Довольный собой, я вспомнил, что у меня ещё много времени. Сев за стол, я открыл задвижку и обнаружил там лаптоп. Я вытащил его и поставил на стол. Лаптоп был старенький и весь пыльный. «То что нужно, чтоб вести дневник», – подумал я и рукавом смахнул пыль с его крышки. Включив его, я обнаружил, что это вовсе не лаптоп, точнее, всё же, лаптоп, но с ограниченной функциональностью – его можно было использовать только как записную книжку. Подумав, что большего мне и не надо, я кратко описал всё произошедшее со мной: про всех, кого встречал на Научной базе и центре рейнджеров, про разгрузку нодов (я так понял, что именно их сгружали с малокского корабля грузовые роботы) на последнем.

Когда первая запись в дневнике была закончена, я вспомнил, что так и не изучил комплектацию своего корабля. Вернувшись в рубку и заняв своё место, я нажал на кнопку «Корабль» под информационным экраном.

Как и говорил малок-начальник с Научной базы, на моём корабле было доступно три оружейных слота. В одном был установлен промышленный лазер весом в 35 тонн. «Не многовато ли для промлазера?», – подумал я. – Такие приборы с этими же характеристиками, на сегодняшний день, весят до 25-ти. Где они достали этот – в музее?».

Всё остальное оборудование составляло, так называемый, «джентльменский набор для полёта куда надо»: радар и, само собой, двигатель с баком. Всё по отдельности занимало большой объём, так что в трюме оставалось мало места. Грузоподъёмность корабля значилась как 290 тонн.

Ниже, под начинкой корабля, значилось свободное место в трюме: «70» и количество денег на счету: 3630 кредитов – малок уже перевёл деньги за мой корабль. Прикинув, что можно особо не раскошеляясь, заменить двигатель и радар на такие же, но поменьше, освободив тем самым места под пару приличных оружейных систем.

Для артефактов было предусмотрено 3 из четырёх возможных слотов – я не придал этому никакого значения. В правом углу экрана была рамка, подписанная как «Дополнительная информация», ничего в себе не содержащая. Поломав голову, о чём же дополнительном может там писаться, мне так ничего и не пришло в голову.

Вдруг корабль тряхнуло. Корабль остановился – отключился автопилот. По правую руку над лобовым иллюминатором выскочило окно – диалога, насколько я помнил. На экране показалось злобное человеческое лицо. Волосы на голове человека были коротко подстрижены, щёки гладко выбриты. Его горбатый нос был похож на орлиный клюв. Когда лицо с экрана выдыхало воздух, ноздри сильно расширились. Я подумал, что, мой корабль зацепил его, ведь мюоновые блоки срабатывают только в случаях опасности для жизни, а учитывая, что астероиды очень часто утюжат корабли в космическом пространстве, когда корабли цеплялись обшивками, ничего ужасного не могло произойти. Но то, что я услышал, кардинально отличалось от моей беспечной теории.

– Так-так. В моём крае новенький рейнджер. Очень новенький – даже казённый корабль сменить не успел. Так что я тебе хочу сказать – если хочешь иметь возможность и

здоровье сменить свою консервную банку в будущем, переведи на мой счёт пол штуки кредитов, иначе тебя снова встряхнёт от моих выстрелов.

Я был ошарашен. Сколько летал на прогулочном катере по системе, никогда не встречал пиратов. А тут только-только...

– А ты кто такой? – я взял штурвал в руки и потихоньку повёл корабль вперёд.

– Но-но, стой на месте, кому сказано, – зарычал пират. – Я Череп, местный авторитет. Слыхал?

Как же не было не слышать! Вот уже год банда Красного Черепа терроризировала мою звёздную систему. Весь сектор объявил на него охоту, но он прятался, в основном, на Пиратских базах. На базы вообще законы и юрисдикция окружающих планет не распространялись. И если в Центрах рейнджеров и других приличных космических базах к бандитам относятся презрительно, то на Пиратских базах отъявленным мошенникам всегда предоставляется радушный приём.

– Ну так что? – прервал мои раздумья Череп, который на своём роскошном корабле вылетел сверху из-за моего корабля, пролетел немного вперёд и развернулся.

Теперь наши корабли стояли развёрнутые нос к носу. Дула трёх осколочных орудий и двух промышленных лазеров поблескивали в свете звезд, уставившись на меня чёрными точками дул. Я думал, что же делать. Просканировать, чтоб определить его максимальную скорость, я не мог. А он, очевидно, просканировал меня на предмет оружия. И не обнаружив ничего, способного напугать одного из бандитских авторитетов сектора, принял меня за лёгкую жертву. В голове зрел дерзкий план, подогреваемый желанием сохранить деньги на новое оборудование и пушки.

– Давай переводи деньги, – начал нервничать пират. – А то изрешечу так, что и пикнуть не успеешь.

Я дал полный ход. Поднырнув под дно его корабля, я активизировал свой единственный аргумент пяти пиратским орудийным системам. Лазер сверкнул, и выпустил сине-зелёную полоску. Ударившись о дно корабля Черепа, заряд оставил лишь чёрное пятно. Теперь мне стало страшно.

– Я тебя в салат искрошу, нахал! – взвизгнул пират и исчез вместе с диалоговым экраном.

Череп мгновенно развернул своё судно, и пальнул в меня из всех пяти орудий. К счастью, в момент выстрела, он ещё не полностью развернулся в мою сторону, поэтому снаряды прошли далеко от намеченной цели. Мой лазер зарядился и теперь я мог опять испортить покрытие вражеского корабля. Череп предпринял крутой манёвр, бросив корабль в сторону, в этот момент, давая залп по мне. В этот раз Фортуна была на стороне пирата: мой снаряд прошёл мимо, а вот он хорошенько огрел меня.

На информационной панели выскочило окно «Корабль», сообщая о целостности корпуса. Снаряды Черепа попали в меня не кучно, рассеявшись во время полёта. Только благодаря этому обшивка выдержала. Мой очередной выстрел оказался намного удачнее двух других: такой вывод я сделал потому как на поверхность пиратского корабля выкатился дроид и принялся латать поверхность, нанося тонкие слои металла в месте моего попадания. Эту картину я созерцал в экран периметрального обзора, который располагался довольно высоко над лобовым иллюминатором и показывал всё, что творится вне области прямой видимости пилота. Эту полезность я обнаружил только во время разговора с Черепом.

Я нёсся в направлении Научной базы «Аномальная»; Череп не отставал. Очередной выстрел пирата догнал меня и изрядно тряхнул. Что-то запикало, и на экране состояния корабля часть кормы засветилась красным. Бегущая строка на экране сообщила, что прочность обшивки в том месте составляет 27% от номинальной. «Ещё два выстрела, – прикинул я, – и исчезнуть мне в безвестность без возможности реабилитации... Какими красивыми словами только можно смерть называть, я и не догадывался ранее».

Точка вдалеке стала увеличиваться и обретать очертания Научной базы. Мне страшно везло, так как Череп никак не мог в меня попасть. Все его снаряды проходили то правее, то левее по борту. Я отстреливался как мог, но ремонтный дроид на корабле противника не оставлял мне никаких шансов нанести хоть незначительные повреждения.

Очередной снаряд Черепа ударился о мой корабль. Звездолёт зашатало, и понесло в сторону – очевидно, он попал в район сопла двигателя. Значительных усилий стоило выровнять корабль и вернуть на положенный курс. Наверно, не стоит говорить (это ведь очевидно), что всё время перестрелки я собственноручно управлял кораблём – автопилот загнал бы меня в могилу намного раньше, чем это бы допустил я.

Я стремительно приближался к базе. Окончательно выровнять корабль и вернуть его на прежний курс у меня не получилось, поэтому единственным путём сесть на базу было облететь её вокруг и только тогда направить корабль на посадку. В противном случае, я бы врезался в неё (если на базе не установлены мюоновые блоки), или, если повезёт, пролетел бы мимо, что так же было эквивалентно смерти, учитывая висящего на хвосте пирата.

Пока я возвращал кораблю приемлемую траекторию, мой сильно виляющий корабль был сложной целью. Отказавшись от затеи стрелять в меня в это время Череп, тем не менее, не отставал, летя за мной в радиусе поражения своих пушек. Я тоже не стрелял по нему – кроме того, что это не принесло бы никакого результата, у меня было занятие куда важнее – выровнять корабль.

Вот уже я вошёл в манёвр вокруг Научной базы. Черепа сзади видно не было.

– Ха! – закричал я. – Не ожидал?!!

Теперь уже спокойно я вёл корабль вокруг базы. Но, как только я сделал полный виток, радость рассеялась и сменилась ужасом – Череп висел на орбите, поджидая меня. «Эх, надо было залететь за базу и лететь дальше, не останавливаясь. До ближайшей планеты без этого пирата на хвосте точно бы дотянул», – пронеслось в голове.

Дула пиратских пушек осветила вспышка, и я приготовился к худшему, так как в этот момент я был развёрнут к Черепу кормой, в которой он уже был готов завершить проделывание дырки. Череп выстрелил и... промазал. Радостный и счастливый, я успешно сел на Научную базу «Аномальная».

Глава 4

Корабль плавно на антигравитационной тяге влетел в ангар и окончательно сел. Я вспомнил наставления гаальца с Центра рейнджеров и синхронизировал свой компьютер с компьютером базы. После нажатия на среднюю оранжевую кнопку выскочил экран для диалога с правительством, если можно так назвать управляющих базы. На самом деле это был не диалог, а сухой список команд. Можно было сдать остатки сбитых доминаторов, купить зонды, что-нибудь улучшить, заправиться и отремонтировать корабль. Мне нужен был последний пункт как рыбе вода, поэтому без промедления я выбрал его.

Что-то стукнулось об обшивку корабля и, цокая, забегало по ней. «Стационарный ремонтный дроид», – догадался я. Цоканье прекратилось, а на экране показалась надпись «Пожалуйста, откройте шлюз трюма». Нажав на соответствующую кнопку, я впустил робота-ремонтника в грузовой отсек для осмотра оборудования. Побегав немного внутри корабля, дроид снова затих. На экране показалась стоимость ремонта – 365 кредитов. Я перевёл соответствующую сумму на счёт базы, и ремонтник начал свою работу. Теперь кроме стука его ножек слышались пронзительные скрипящие звуки.

– Сейчас закончиться ремонт корпуса, и можно будет выходить, – подумал вслух я, глядя в сторону выхода для капитанов.

Робот перебрался в трюм. Я полез по лестнице к люку. Распахнув его, я осознал свою ошибку – платформа для выхода для капитанов была только в Центре рейнджеров. Сейчас, торча из люка я мог рассмотреть ангар Научной базы, поскольку надо было

дождаться окончания ремонтных работ в трюме, через который и лежал мой путь к выходу с корабля.

– В Центрах рейнджеров делается всё для комфорта рейнджеров, а тут – для науки! – услышал я далёкий голос из-за спины.

Я обернулся. На балконе, выходящем из какого-то кабинета прямо в ангар, стоял малок. Я узнал его – это был начальник отдела вооружений. Помахав ему рукой, я решил спуститься и выйти из корабля, так как казалось, что стук в трюме прекратился.

Приблизившись к развилке коридоров, я услышал монотонное жужжание из грузового отсека – ремонтный дроид продолжал работу. Теперь над внутренним шлюзом, ведущим в трюм, горела надпись «Давление стабилизировано. Ход разрешён». Почему-то мне не очень хотелось наткнуться на работающего ремонтника – ещё брызнет в меня каким-нибудь маслом или сварочным катализатором... Я направился в рубку, сел в кресло пилота и стал выбирать из списка услуг базы, что ещё может быть мне полезным.

В прошлый раз, будучи на базе, я заметил пункт «Торговый центр» и даже выбирал его, но пропустил мимо внимания пункт «Информационный центр». «Самое время узнать новости», – пронеслось в голове. Где-то в системе соседнего созвездия велась гражданская война и сообщалось, что можно заработать на доставке туда купленного где-нибудь в другом месте, оружия. Сообщалось, что доминаторы вчера захватили ситему Шеат в секторе Атланта...

Теперь робот точно окончил работу – было слышно, как он удалился с корабля. Можно было спокойно выходить. Я вышел из рубки, подошёл ко внутреннему шлюзу трюма, и нажал находящуюся рядом на стене кнопку. Шлюз открыл моему взору картину грузового отсека. Посредине стоял захват – огромный прибор для подбора грузов из открытого пространства космоса. По периметру, у стен стояли несколько конструкций, к которым подключались те или иные типы оборудования. Я обратил внимание на закреплённый у потолка двигатель, и пять установок под оружейные турели, две из которых были запаяны. К стрелецким позициям турели поднимали поршневые системы.

Всё оборудование крепилось и находилось в трюме, и это действительно был верш рационализма – на любые незанятые места под оборудование можно было складывать грузы! Чем меньше оборудование объёмом, тем больше можешь перевозить товаров.

Створки внешнего шлюза открывались горизонтально. По нижней, которая образовывала подобие трапа, я сошёл в ангар. В этот момент по эскалатору спускался всё тот самый малок. Я пошёл ему на встречу.

– А я думал, ты не уйдёшь от Черепа живим! – начал малок.

– Я всё-таки не понимаю современных порядков, – начал говорить я про свои соображения в области юстиции, так как посчитал, что рассказ о том, как удирал от самого грозного пирата Солнечной системы, не будет уместным. – Он ведь может прятаться на космических базах – любых – так?!!

– Так, – в тон мне подтвердил малок.

– Почему его нельзя арестовать?

– Базы не подчинены никакому правительству, соответственно они вне правовой сферы.

– Это я уже слышал в криминальных передачах! Почему его нельзя поймать тут и передать чьим-то властям.

– Что ты хочешь от меня? – задумался малок. – Такой закон придумали вот и всё.

– Просто думал, может у тебя есть свои соображения на это счёт.

– Смотри, – малок грубо развернул меня своей огромной ручищей в направлении, куда показывал другой рукой. – Твой зонд везут.

Он указывал в направлении лифта, из кабины которого выкатился грузовой робот, везя в своём кузове какой-то прибор. Этот прибор – зонд – был похож на баклажан, такой же фиолетовый и продолговатый. На поверхности зонда была пара закрылков и антенн. Робот заехал в трюм моего корабля, а выехал оттуда уже с пустым кузовом.

– И как его использовать? – спросил я.

– Иди в кабинет 163 и пройди инструктаж по использованию зондов.

Я развернулся и пошёл к эскалатору но малок окликнул меня:

– Стой, у него сейчас обеденный перерыв.

– Что, опять?

– У него каждые 15 минут обед, – ухмыльнулся малок. – Раз я взял на себя ношу сделать из тебя толкового рейнджера, так и быть – расскажу про зонды. Но особо ничего сложного нету: влетаешь на орбиту какой-нибудь незаселённой планеты, в окне корабля, там где трюм выбираешь зонд и выбрасываешь. Ты, естественно читал про высокую технологичность захватов. Так вот – какой-то специальный блок сам задаст траекторию и проложит курс. Выбрасываешь зонд из трюма, а захват сам выводит его на орбиту. Вот и всё.

– А если я захочу просто выбросить зонд над поверхностью планеты, а не вывести его на прочесывание территории, как тогда быть?

– А с каверзными вопросами тебе точно в кабинет 163, где ждать вечно обедающего Алиамиса с очередного перерыва.

– Ладно, – я перевёл разговор на другую тему. – Где-то у вас есть магазин розничной торговли, а то обнаружилось что в холодильнике моего корабля пусто.

Малок удивлённо посмотрел на меня.

– Какой бар на Научной базе?! Столовая для персонала только. Но все делают так: покупают один контейнер с продуктами. Для одного рейнджера там еды на треть года хватает, даже если обжираться под завязку.

– Действительно, а мне такое как-то и в голову не пришло.

Я сбегал на борт корабля и купил один контейнер с едой за 18 кредитов. Вспомнив о желании купить оборудование покомпактнее, я выбрал меню «Магазин оборудования» из списка команд диалога с правительством базы. Стоимость замены шестидесятитонного двигателя на такой же весом 24 серьёзно не ударила по моему бюджету. На оставшиеся деньги я купил простенький генератор защитного поля и ремонтного дроида. Вспомнив о такой услуге Научной базы как улучшение характеристик оборудования, я решил продать свою единственную орудийную установку и улучшить двигатель. Надпись пообещала, что за почти все оставшиеся деньги, сможет улучшить двигатель на порядок. Я подумал о том, что этот промышленный лазер всё равно ни на что не годится, кроме как работы по своему непосредственному назначению – разрезания астероидов. Да и то астероид скорее развалится не от выстрела, а от смеха при виде этого горе-инструмента. Противопоставив оружию, оставляющему на обшивке чужих челноков только тёмные пятна увеличение скорости двигателя, моё решение окончательно опустошило моё счёт. Согласившись с расценками, я пулей вылетел с корабля, не желая быть запертым на нём роботами, что будут менять оборудование.

Вернувшись на место разговора с малоком, последнего там уже не было – ушёл. Мне всё же хотелось поговорить с ним ещё, и я побежал к эскалатору. Я догнал малока, когда тот шёл по коридору яруса с кабинетами.

– А я думал ты улетел, – малок остановился.

– Да где там улетел, вокруг станции наверняка до сих пор шныряет этот Череп, поджидая меня на орбите.

Малок расхохотался:

– Ну, вот будь ты пиратом, ждал бы свою жертву, которая приземлилась, будь то на базу, будь на планету. Вокруг и без тебя полно слабо защищённых кораблей. Кроме того, откуда он знает, сколько ты будешь отсиживаться тут. Время, как известно, – деньги.

Правильно, я мог взлететь сразу после ремонта, или ещё с день прошататься без дела на станции, разговаривая с начальником отдела вооружений – пирату о моём решении известно не было бы. И ждать моего взлёта хоть какое-либо время вместо того, чтоб нападать на транспортники, трюмы которых забиты медикаментами или роскошью, было глупо.

Вспомнив, что на моём счету осталось 123 кредита, к голове назрел новый вопрос к малоку:

– Расскажи, как на Научной базе улучшают оборудование.

– Да как... Берут и улучшают: там что-то подкрутят, там прочистят, допаяют микросхему и показатели улучшатся.

– Так неужели сразу это сделать нельзя?

– Ты что, про коммерцию никогда не слышал? Такие подпаянные и подкрученные вещички являются уже товарами следующего порядка и другой ценовой категории. В серийное производство запускают ни на грамм не оптимизированную технологию, чтоб купить её мог позволить себе почти каждый. А на заказ, и не безвозмездно, учёные готовы добавить в оборудование специально выпущенные небольшим тиражом блоки. Про это однажды на нашей базе даже научно-популярную передачу канал RNN записывал.

– А что мне с этим делать? Уже сколько ношусь, и никто не требует ему сдать, – я показал малоку своё резюме.

– Его надо в архив, но его начальник заболел луатанцией, и архив временно не функционирует. Давай мне – когда архив откроется, я его и сдам.

Я прищурился и изподлобья посмотрел на него.

– Да сдам, честное слово. Неужто я не заслужил доверия? – дружелюбно спросил малок.

Я отдал ему досье. В коридоре послышались шаги, и из-за угла вышел молодой пеленг. Когда он прошёл мимо нас, малок окликнул его и спросил, куда тот идёт. Когда пеленг ответил, что в кабинет 200, малок попрощался со мной и пошёл на своё рабочее место для приёма новобранца. Отойдя, я услышал, как малок обратился к пеленгу:

– Я посвящаю только в тонкости боевых действий. Про всё остальное ты уже должен был узнать на приёмах в предыдущих кабинетах.

– А откуда на нашу голову взялись доминаторы? – робко спросил пеленг.

– Неужели ты не видел передач по стереовизору? На каждом канале разных штук по 20 как минимум демонстрировали. Они как раз для твоего уровня доступа. Или ты вылез из болота и напрямиком в рейнджеры?!!

– Нет...

Их голоса растаяли в глубине кишки коридора. Я улыбнулся – значит, я действительно очень понравился малоку-начальнику, раз он рассказал мне так много. А насчёт передач, то я и сам догадывался, что все образовательные передачи по поводу доминаторов и есть тем минимумом информации, о котором мне говорили. Ведь рейнджер-новичок, по делу, всего лишь обычный гуманоид, получивший форму и значок. Не отличившись перед Коалицией, невозможно получить от её высшего командования информации. Только общедоступные передачи...

Размышляя, я дошёл до своего корабля. Я заметил, что размер двигателя уменьшился – это значило, что обслуживающий персонал уже обработал мой заказ, и, надо сказать, довольно быстро. Зайдя в рубку и заняв своё место пилота, я убедился, что оборудование на корабле изменилось – об этом мне сообщил экран «Корабль» над штурвалом. Уже привычным нажатием на кнопку «Взлёт», я заставил все внешние шлюзы намертво захлопнуться. Взлёт прошёл без сучка, без задоринки, и антигравитационная тяга вывела меня на орбиту станции.

Нельзя сказать, что решение пришло спонтанно – я отправился на родную планету, чтоб увидеться со знакомыми. Ещё до пополнения рядов рейнджеров я знал, где будет моя первая остановка в роли свободного воина – на планете Земля.

Глава 5

– Почему на корабле нет кнопки «Посадка»? Если есть кнопка для взлёта! – думалось мне, когда я заходил на посадку. – Вот же... Конечно! Когда я взлетаю, корабельный

компьютер подключён к компьютеру базы (или космопорта), который и может управлять процессом взлёта.

Корабль плавно планировал в слоях атмосферы, используя двигатель в меньшей мере, чем при полёте в космосе – только для сопротивления силе тяжести и медленного снижения, чтоб не загрязнять воздух отработанными продуктами топлива. Только теперь мне стало ясно, зачем же кораблю крылья – короткие горизонтальные, и на концах параллельные вертикальные. В месте соединения их с горизонтальными, которые делились на две части стоял поршень, позволяющий вертикальным крыльям либо перегибаться вдвое, либо крутиться вокруг своей оси. В отличие от посадки на базу, надо было быстро оперировать гашетками управления крыльями, чтоб корабль не снесло сильным порывом ветра. Поскольку гравитация планеты была почти нейтрализована сопротивляющей работой двигателя, это могло случиться при сильном порыве воздушных потоков.

Вот из-за вершушек небоскрёбов показалось здание Космопорта, и рядом с ним здание повыше – главный штаб Управления планетой. Уменьшив тягу, я направил корабль к посадочной площадке космодрома. Земное притяжение быстрее понесло корабль к поверхности. Когда до посадочной площадки осталось метров сто, я включил антигравы. Корабль мягко приземлился. В отличие от двигателя, которым можно было сопротивляться тяготению планеты, антигравы работали в непосредственной близости от какой-нибудь поверхности. Почему я и сам не понимал. Скорее всего, антигравитационная тяга нейтрализовала притяжение, находясь на определённом расстоянии от центра планеты – источника этого притяжения. Глубже в эти тонкости я не вникал.

Шипение ознаменовало урегулирование давления за бортом и внутри корабля. Подключив свой компьютер к компьютеру космодрома, я обнаружил, что бак полупустой, о чём сигнализировала надпись на экране состояния корабля. Вызвав диалог с правительством, я выбрал опцию заправки топливного бака. Эта операция в который раз обчистила мой банковский счёт, оставив на нём кругленькую сумму в 100 кредитов.

Я поспешно вышел на поверхность планеты, чтоб не столкнуться с ботом-заправщиком. Солнце или заходило за горизонт, или я наблюдал его восход. Можно было сказать, только подождав и понаблюдав за звездой, чего делать я не стал. Мне очень хотелось увидеть старых знакомых, может не очень надёжных, но единственных, работающих на фарюковой ферме, с которой я уволился две недели назад. Выйдя с территории космодрома, я нанял глайдер. Когда я сел в такси, водитель чему-то несказанно обрадовался:

– Ого, вот это да! – восхищённо воскликнул он. – Давно я не видел у себя на заднем сидении рейнджера.

– Да я ещё только формально рейнджер, – смущённо ответил я. – Даже не сбил ни одного доминатора.

– Ничего, у тебя ещё всё впереди. А раз ты рейнджер, то подвезу тебя бесплатно. Куда ехать?

– На ферму фарюков. Это за 20 километров от города.

– Куда-куда?

Я прикусил язык, вспомнив, что это секретный объект.

– В предместье. ПГТ Турмалиново, знаешь где?

– Будет сделано, шеф. – Таксист завёл глайдер и тот заскользил над поверхностью в направлении места моей бывшей работы.

Секретная ферма по производству фарюков на нашей планете была единственной в созвездии. Её построили феяне около десяти лет назад. Они специализировались на выращивании этих фруктов (если их можно так назвать), но открыли, что большие плантации фарюков вызывают в окружающем пространстве странные электромагнитные колебания. Они не были опасны для любой живой материи, однако каждая плантация

имела свою собственную частоту излучаемых колебаний, которые, порой, вступали в резонанс с частотами окружающих плантаций. А это уже было опасно и вызывало всякие болезни и мутации. Феяне оставили по одному заводу на каждый сектор. Так как в нашем секторе не было планеты, правление на которой вершили бы феяне, в знак дружбы наших народов, они открыли на нашей планете одну из таких плантаций. Для них это означало спасение от банкротства этой отрасли сельского хозяйства, а для нас – новые рабочие места. Но всё должно было оставаться в строжайшем секрете!

Через четверть часа глайдер доставил меня на главную площадь Турмалинова. Поблагодарив таксиста и попрощавшись с ним, я направился пешком на север от посёлка – в километре от него находилось место моей прежней работы.

Почему же можно было спокойно мне, бывшему работнику, спокойно заявиться на секретный объект, где я больше не сотрудник? Дело в том, что рабочих туда набирали, тщательно проверив их на болтливость. Людей (именно только гуманоидов этой расы там принимали на работу, и никого другого) изучали на предмет умения хранения государственных тайн. Да и никому бы и в голову не пришло рассказывать о плантации фарюков на человеческой планете – всё равно никто бы не поверил, ведь феяне удерживали давно сформировавшуюся на этот продукт монополию. Конечно, они косвенно оставались владельцами фермы, но товар, произведённый на ней, они у нас покупали. Не по рыночной цене, но это нужно было для того, чтоб создать видимость автономности фермы. Таким образом, они не беспокоились ни о зарплате рабочим, ни об организации труда – только о выполнении нормы выращивания.

...Мда, видимо кто-то всё же догадался кому-то разболтать о плантации!

Я подошел к главному входу, возле которого висела вывеска «Министерство сельского хозяйства Человеческой Конфедерации. Кукурузное поле». А на воротах была прикреплена табличка с надписью «Закрито санстанцией в связи с несоблюдением санитарных норм». Для любого, кто считал, что за стеной действительно кукурузное поле, эта вывеска не сказала бы ровным счётом ничего, что вызывало бы подозрения. Но для человека, работающего с фарюками... Дело в том, что они дурно пахли, и весь персонал ходил в двух химкостюмах, одетых один на другой. И в противогазах, естественно. Какие ещё санитарные нормы?

Я подошёл к будке, в которой сидел охранник. Я знал его – это был мой знакомый, он и должен был дежурить как раз сегодня.

– Привет! – обрадовался он, заметив меня.

– Привет. Что случилось?

– Ну, как в роли рейнджера? – будто не услышав меня, спросил охранник, а потом наклонился и зашептал. – Не поверишь, помнишь дистрофика с огромной, непропорциональной грудной клеткой, которого мы называли Рохлей?

– Да. Странный был парень. Ни с кем не разговаривал.

– Ты когда-нибудь видел его без химкостюма? Он оказался пеленгом! Рохля работал на каких-то важных пеленгов из администрации одной из планет сектора Хиша – детективы нашли его записи. Его подослали, чтоб он украл образцы фарюков для своих боссов. Теперь его ищут военные патрули всего нашего созвездия. И даже пеленги, по их заверениям, с их либеральным отношением к пиратству и саботажу, не помешают изобличить автора преступления против человеческой расы. Феяне перенесли ферму на другую планету в нашем секторе, хоть и сильно разошлись из-за халатности, и, возможной коррумпированности нашего отдела кадров, но всё же дали шанс реабилитироваться, и не стали забирать ферму из подчинения людей. А как мне кажется, из-за всех этих проблем с резонансом колебаний плантаций, у них нет возможности перенести плантацию за пределы нашего сектора. Вот такие дела. А ты вообще как.

Я рассказал о встрече с Черепом.

– Вот это да, – восхитился охранник. – А что он из тебя хотел вытрусить?

– Да так, груза у меня не было – он требовал 500 кредитов. Но я всё же остался с деньгами! – гордо завершил повествование я, и добавил. – Ты не знаешь, где можно найти Александра.

– Бедный Саня! После того, как всех уволили – а это случилось неделю назад – он сидит в баре космопорта дни напролёт и ищет какой-нибудь грузовой корабль, которому нужен неквалифицированный сотрудник. Обязательно навести его!

Я попрощался с охранником и пошёл обратно к посёлку. Подумать только, я уволился за неделю до этого инцидента, чтоб готовиться к деятельности рейнджера. А если бы мне не захотелось спасти галактику от доминаторов? Сидел бы сейчас в баре как Саня и не просыхал бы?! Тогда бы светлые мысли, типа стать рейнджером, ни за что не нашли бы приюта в моей голове.

В посёлке я нашёл стоянку глайдеров, один из которых быстро доставил меня обратно в город. Заплатив 30 гриблей за такси (местная валюта, курс галактического кредита – 1 кредит за 5,05 грибля), благо я оставил себе сотню не обменянную на галактическую валюту на случай возвращения в родные края, я оказался прямо перед зданием космопорта. Рядом с ним стояло здание повыше – правительство. Я подумал, что правительство никуда не денется. Хоть его состав может меняться сколько угодно, функции, однако, не претерпевают значительных изменений, разве что, на психологическом уровне чиновников. А вот Саню могли в любой момент забрать из бара любезные доктора, обнаружив у него букет болезней печени и пищеварительного тракта от недельной дезинфекции тех спиртными напитками.

Плюнув на вероятность того, что галактике я нужен больше, чем пьяному другу, моей целью стало здание космопорта. Теперь, войдя в него через главный вход, я позволил себе осмотреться. Вверх-вниз у стен скользили прозрачные кабины лифтов, доставляя пассажиров, ожидающих свой рейс, в залы ожидания, и всех остальных на нужные этажи. На другой стене, переходящей в потолок, довольно низко – на уровне двадцатого этажа здания, висел стереозэкран. В отличие от «экрана-информационного-центра» на корабле с сухим содержанием, сообщающим новости в виде текстовых сообщений, находясь в здании космопорта можно было посмотреть ролики из горячих точек галактики, рекламу различных товаров на огромном экране, занимающем более половины всей площади стены. Посреди огромнейшего фойе находился указатель. Я сразу подошёл к нему и не без труда нашёл в списке бар космопорта. Узнав его местоположение, я, последовав указателю, пошёл к лифту № 44, который доставил меня на 93, предпоследний, этаж здания, полностью отведённый под бар.

Двери в бар были выполнены в стиле шлюза космического корабля. С гулким урчанием (или это такая задумка, либо о баре космопорта никто не заботился) створки разъехались в разные стороны, и, так, полностью не исчезнув в стене, не пожелали за мной закрыться. Урчание прервалось хрустом – механизм двери сломался. Теперь створки шлюза входа в бар ещё не скоро порадуют посетителей своим открыванием-закрыванием.

На секунду в баре стало тихо – перешёптывание прекратилось, и все посетители оглянулись на меня. Не обнаружив во мне ничего примечательного, все развернулись в прежние положения, и пространстве снова повис сумбур из негромких голосов. Одна фигура отделилась от стойки, что стояла в дальнем углу, и, петлями, заковыляла в мою сторону. Когда свет упал на небритое лицо, я узнал в этом человеке своего друга. Саня ещё пуще засеменял ногами. Я пошёл ему на встречу. То ли Саня заметил это, то ли ему не хватило сил дальше бежать ко мне навстречу – он плюхнулся в кресло за одним из пустых столиков. Заняв место напротив него, я окончательно убедился в том, что он тут не меньше недели: мешки по краснющим глазами, непричесанные волосы на голове и рубашка с пятном пота или разлитой выпивки на груди.

– Ну, как оно быть рейнджером? – его голос звучал, к моему удивлению, трезво. Слова он произносил чётко и тихо.

– Да вот, обживаюсь пока что. Решил навестить Родину и друзей, потому что придётся держаться границы боевых действий, и времени заглянуть сюда в тяжёлые рейнджерские будни сложно будет выкроить.

– Официант! – заорал, теперь уже сильно пьяным голосом Саня. – Четыре Тёмных Махпы!

Официант-пеленг с подносами в каждой руке появился через 10 секунд, составив один на наш столик. Саня взял один бокал, втянул носом запах пива и благоговейным, таким же пьяным голосом обратился ко мне:

– Выпей, это настоящее классическое «Machpella Dark»! Не какое-нибудь «Mutenok Premium» малокского разлива. Из всех космопртов Земли, его подают только в нашем!

Пеленг остался довольный проведённой рекламной кампанией со стороны Сани и только теперь позволил себе удалиться.

– Знаешь, очень интересные слухи ходят про рейнджеров.

Я был готов к пьяным прибауткам, но он снова повествовал трезвым голосом. Я ничего не мог понять.

– Ты рейнджер всего один день и заметить этого пока не мог, – между тем продолжал Александр. – Регулярно, где-то около раза в месяц, из списка рейнджеров пропадает лидер рейтинговой таблицы. Именно лидер. Раньше, когда рейнджеров было больше, это было менее заметным, и на три случая в новостях официально сообщали о гибели на поле боя одного пропавшего лидера рейтинга. А двое остальных... Зря ты пошёл в рейнджеры!

– Ну подумаешь, пропадают. Продают корабль и выкидывают значок – вот и нет рейнджера!

– Ты не прав. Получив лицензию рейнджера, ты становишься ещё более свободным, чем при жизни прикованным к поверхности. У любого правительства можно получить задание, которое совершенно ни к чему тебя не обязует. Если не выполнишь – попадёшь на учёт к спецслужбам, а выполнишь – получишь деньги.

– Задания?

– Ах, ну да. В ЦР о них ничего не говорят. Одной из привилегий является то, что рейнджер, просто по закону, хочет он этого или нет, является служащим Коалиции и приравнивается к ним по возможностям. Например, получение и выполнение заданий. А если провалишь – тебя не уволят. Рейнджеров ведь не увольняют. А если кто заинтересован в том, чтоб некоторый рейнджер сложил полномочия, создаются невыносимые условия для существования последнего. Нет гуманоида – нет проблемы.

Теперь я понял, почему голос Сани кажется трезвым – он говорит тихо. Когда он кричит, всё становится на свои места. Нет ничего хуже, чем умные разговоры с пьяным человеком – только нервы себе портишь. Я решил, что пора уходить. В частности, следует проведать здание правительства на предмет истинности рассказней Александра про правительственные задания. Я встал и быстро пошёл к выходу.

– Пожди, – завопил Саня, и побежал за мной. На третьем шаге он споткнулся, упал, и так и остался лежать на полу, уткнувшись лицом в кристаллиновый пол.

Глава 6

В приёмной сидела секретарша лет тридцати с килограммами макияжа на лице.

– Что угодно? – бросила она, оторвавшись от нанесения лака на ногти.

– У вас дают задания для рейнджеров? – спросил я.

Её безмятежный вид всё же навевал некое чувство неудобства. Секретарша хмыкнула, нажала на какую-то кнопку. Послышался тихий треск, и секретарша спросила: «Рейнджер на побегушках нужен?». Голос из динамика в ответ что-то пролепетал ей. Хмыкнув ещё раз, она снова нажала на кнопку.

– Вам в кабинет 109, молодой человек, – при последних словах она поправила локон волос, спавших на лицо.

Увидев, что в этот момент я уже направлялся к кабинету 109, она продолжила красить ногти. Я подошёл к кабинету и заглянул в него через открытую дверь. Скромная обстановка: стол, шкаф и картотека. За столом в кресле сидел пузатый чиновник со стереокнигой в руках. На его коленях сидели маленькие мальчик и девочка – очевидно, его дети. Начальник читал им сказку: «Кабы я была царица, – молвит первая сестрица. – Я бы батюшке царю дала чайником в ноздрю... Что-о?!!» Чиновник резко нажал на кнопку стерео книги, показывающую титульную страницу. «Издание 1082, переработанное, но не дополненное. Сделано на планете Шоргароц?! Ничего святого у этих пеленгов не осталось!» Только теперь он заметил меня, отложил книгу и сказал детям пойти погулять. Те с визгом выбежали из кабинета.

– Прошу садитесь, – сказал чиновник.

Если бы не переделанная пеленгами человеческая сказка, он бы наверняка мне улыбнулся, а так просто говорил спокойным тоном, не выражая никаких эмоций. – Вы за заданием, верно?

– Так точно, – подтвердил я.

Чиновник встал и направился к картотеке. Покопавшись в ней с минуту, он достал серый лаптоп. Небрежно смахнув с него пыль рукавом своего мятого пиджака, чиновник протянул лаптоп мне со словами:

– Этот лаптоп содержит документы, очень нужные пеленгскому правительству с планеты с планеты Рахиш. Вы, конечно, слышали про эту планету в системе Пхедок – родину пеленгов. Это всего лишь в 20 парсеках от Солнечной системы. Думаю, семи дней вам должно хватить. Около дня вы будете лететь до границы нашей системы, потом совершите гиперпрыжок где-то длиной в 4 дня. Ну и ещё день на полёт от края системы Пхедок до Рахиша. Бонус в 2 дня на непредвиденные обстоятельства я вам даю, учитывая вашу необразованность в плане космической навигации. Вопросы есть?

Я молча взял лаптоп.

– Значит, нету... Отлично, я сообщу правительству, чтоб ждали документы не позднее, чем через неделю. Вы свободны. И не опоздайте в пункт назначения.

С лаптопом под мышкой я пошёл к выходу из здания правительства, а дальше, через холл космодрома на посадочную площадку, где оставил свой корабль. Солнце стояло высоко над головой и мой звездолёт почти не отбрасывал тень. Зайдя на борт через шлюз в трюме, я отправился в каюту, где в задвижке стола оставил лаптоп, выданный мне для доставки на планету Рахиш.

Привычным нажатием на кнопку «Взлёт» корабль загерметизировался и стал набирать высоту. Выше, выше, и вот я уже за пределами атмосферы родной планеты.

Надо было узнать, в какой же стороне находится система Пхедок. В образовательных передачах много рассказывали про традиции и обычаи пеленгов, которые первоначально жили только на планете Рахиш. Но как туда долететь от планеты Земля, не было сказано ни слова. Включив экран с галактической картой, я узнал, что мне надо лететь «вниз» – так, по крайней мере, сообщала плоская карта. Я нажал на точку, подписанную «Пхедок». Бегущая строка на экране сообщила, что в системы автопилота закладывается курс. Когда операция была завершена, я поставил корабль на автоматическое управление, а сам решил перекусить, учитывая то, что уже немного меньше дня ничего не ел. Самое удивительное то, что голод я заметил только в тот момент – до этого он смиренно покоился в закоулках сознания, готовый в подходящий момент неудержимой силой желания что-нибудь съесть выплеснуться наружу.

В животе громко забурчало. Вспомнив про купленный контейнер продуктов, живот забурчал ещё сильнее. И бурчание это достигло немыслимого апогея в момент, когда я вспомнил, что продукты оказались в трюме, доступ к которому в момент полёта запрещён. За последний день столько всего было сделано, а об элементарном забыто!!! Голодный и грустный я пошёл в каюту, чтоб поспать – надеялся, что сон утолит голод.

Только теперь я заметил тусклую лампочку на стене коридора, ведущего от каюты в рубку. Над лампочкой была надпись «продуктовый отдел трюма заполнен». Ну конечно, самым лучшим холодильником есть вакуум, ограждающий любую вещь от воздействия температур, бактерий и прочих достояний атмосферного пространства. Но зачем тогда в каюте стоял холодильник? Остановившись на мысли о том, что холодильник предусмотрен для удобства рейнджера: чтоб каждый раз, когда захочется пива или гаальской амброзии с афродизиаксом, не копаться в контейнере с продуктами, а сложить всё необходимое в каюте. После нажатия на кнопку, открылось отверстие, настолько широкое, что в него пролез бы и малок. Я запустил в него руку, но ничего не нащупал – за отверстием было пусто и темно. Пытаясь найти разрешение ситуации, я стал ощупывать панель с кнопками. Рука скользнула по одному незаметному тумблеру, который я без промедления переключил в другое положение. За спиной включился прожектор, подавая струю света прямо в отверстие. Стало видно конец пространства за отверстием на расстоянии метров пяти-шести. На самом деле то была стенка контейнера с едой, внутреннее пространство которого и находилось за отверстием. Задумываться над тем, как они так плотно подсоединили контейнер к кораблю, не нарушая герметичности, мне не хотелось. У меня, честно говоря, уже давно пропало желание понимать все тонкости строения кораблей для рейнджеров. Обернувшись к прожектору, я заметил под ним моток каната – вот и ответ на то, как спуститься в контейнер. А во что набрать продуктов? Сбежав в каюту, я взял там одеяло с постели, которое вполне могло послужить мешком. Итак, взяв в руки канат и перебросив через плечо одеяло, а стал спускаться в контейнер. На глубине около трёх метров я оказался на поверхности ящиков. Свет от прожектора удивительно равномерно охватывал всё пространство контейнера. Достав из груды первый попавшийся ящик с эмблемой Человеческой Конфедерации и откупорив его, я высыпал всё содержимое на одеяло, предварительно расстеленное на более-менее ровной поверхности. Собрав концы в кулак, я забросил импровизированный мешок за спину. Вес его был около пяти килограмм. «И как прикажете подниматься с мешком за спиной по канату? Или это была плохая идея с одеялом?», – подумал я. Я подошёл к канату и скорчил рожу, которая, как мне казалось, должна быть похожа на лицо героя фильмов про археологию. Два раза дёрнув канат, я сказал: «О, вы не поверите профессор, у меня здесь очень интересная находка». Хоть сверху и не было никакого «профессора», который должен был бы вытянуть меня из «ямы», канат пополз вверх. Прочно ухватившись за него одной рукой, и держа в другой мешок с едой, я стал подниматься вверх. Благодаря гладким стенкам хода в контейнер, канат плавно вытащил меня и бросил на пол месте с мешком-одеялом. «Ну вы даёте, профессор!», – с усмешкой выдавил я.

Сложив все продукты в холодильник, и отобрав пару пачек традиционной для людей еды – пиццы по гаальскому рецепту, и 2 банки пива «Machpella Dark», я решил, что свой приём пищи совершу в рубке.

Автопилот нёс меня к намеченной цели, а я уплетал уже последнюю пиццу, когда вдалеке показались вспышки выстрелов оружейных систем. Забыв о еде, я приковал взгляд к тому месту. По мере приближения стало ясно, что я наблюдаю за перестрелкой транспортного корабля и пирата. Я приблизился настолько, что можно было заметить, что оба корабля в паршивом состоянии: обшивки были помяты и все в чёрных пятнах от выстрелов, а дроидов на поверхности видно не было. И в этот момент феянский транспортник закрутился на месте, его бросило в сторону... темноту безвоздушного пространства озарил взрыв. Вспышка быстро рассеялась, и стало видно, как неподалёку от моего корабля болтался какой-то груз. На экране радара я указал захвату на тот предмет, и он, начал плавно ползти в мой трюм. Анализаторы захвата, сообщили, что данным предметом являлось осколочное оружие. Без раздумий я указал установить его на место боевой турели. Примечательным было то, что захват совершал все операции по сортировке и установке предметов в трюме. На диалоговом экране показалось лицо малока:

– Это что же ты, сопляк, рейнджер-новичок делаешь?! Нажитое не наживают, разве не слышал такого?

– Это выпало из взорванного тобой транспорта?

– Нет, это выпало из сумки старой бабушки, которая шла оплачивать коммунальные услуги... А ИЗ КОГО ЖЕ ЕЩЁ ПО-ТВОЕМУ???

– Ну так вот, – продолжал я дипломатичным тоном. – Будем считать это твоим вкладом в развитие начинающих рейнджеров. А я в свою очередь ничего не сообщу о сбитом тобой корабле.

– Да кому ты сообщишь? – рассмеялся малок-пират. – Ближайшая феянская планета за 2 сектора отсюда! Специально полетишь?

– Спешу обратить твоё внимание, что твой корабль в препаршивом состоянии, и в нашем разговоре ты не можешь занимать главенствующую позицию.

– Да я даже в таком состоянии тебя разобью! И, кстати, вытри лицо – ты приправой выпачкался, – зло усмехнулся малок и отключил связь.

Пиратский корабль развернулся и летел на меня. Осколочное орудие уже было установлено, и я вывел свою единственную турель на боевую позицию, взял управление кораблём в свои руки и полетел навстречу. Первым выстрелили пират – радиус действия у промышленного лазера больше, чем у осколочной пушки. Защитное поле, невидимым слоем окутывающее обшивку корабля, поглотило часть лазерного заряда. Что-то вжикнуло – на поверхность корабля выкатился дроид и принялся ликвидировать ущерб, нанесённый залпом малока. Мы подлетели ближе друг к другу, и теперь стрельнуть уже мог я. Осколочное орудие совершило выстрел, и кораблю пирата пришлось не сладко – я попал в чёрный и к тому же сильно помятый участок его обшивки – справа от кабины. Неожиданно малок пошёл в манёвр, дугой отлетая от меня. Я полетел за ним. На диалоговом экране показалось его озадаченное напуганное лицо:

– Минуту назад у тебя же не было оружия! – взбеленился он.

– Бабушка подарила.

Теперь настал мой черёд ликовать. Я продолжал:

– Слушай, у меня есть чем заняться и без тебя. Дай мне... пол тысячи кредитов и мы квиты.

– Пол штуки, да ты чего, новичок, совсем того? Я ведь соберу свою банду, найду тебя, и...

Я отключил коммуникатор. Я считал, что только невежи не могут довести разговор до логического завершения и обмена прощальными любезностями, но в этом случае у меня и не вышло бы, учитывая манеру общения пирата – этими высокомерными словами он вывел меня из себя.

Пират отстреливался двумя лазерами, но мой дроид смиренно выполнял свою работу. Я летел за малоком не отставая, стреляя и даже попадая. Теперь он превратился в жертву.

Если ты сентиментален, если тебе кажется, что любой заслуживает прощения ошибок – тебе не место среди рейнджеров! В этом безумном мире, где каждый норовит нажиться за твой счёт, нет выбора стрелять или нет. Любой, кто представляет потенциальную угрозу для существования, должен быть убран с такой позиции, позиции угрозы, любым способом. В частности, избавлением от его существования мира сего.

Очередной выстрел стал последним для пирата. Я попал ему прямо в дюзу и окончательно её повредил. Корабль взорвался мгновенно – без заносов, потери управления малоком и умопомрачительных кульбитов. Среди его обломков я нашёл промышленный лазер весом в 15 тонн и упакованных 20 тонн минералов, которые можно было продать в любом торговом центре.

Вернувшись на свой прежний курс и предоставив управление автопилотом, я решил глянуть на рейтинг рейнджеров. Экран сообщил мне, что я занимаю 33 место. На 34 был пеленг Ашпарака (наверно тот новобранец, которого я видел в Центре рейнджеров). И всё – всего было 34 рейнджера. Но ещё менее, чем дня два назад их было 35. На первой

позиции оказался малок Доббар. Прежнего лидера Алиция не было ни на втором, ни на третьем месте. Его вообще не было в рейтинге. Вспомнились слова Александра об исчезновениях рейнджеров-лидеров, но я поспешно прогнал его пьяные небылицы из головы.

«Пройдите в каюту. Пройдите в каюту и приготовьтесь к гиперсну. Достигнута граница системы. Будет совершён гиперпрыжок. Гиперпрыжок в систему Пхедок». Повинуясь сообщению на экране, я прошёл в каюту и уместился на твёрдой койке. Что-то зашипело, и я погрузился в сон...

Неужели я спал? Я очнулся, но прошел, будто, всего один миг.

Экран в рубке сообщил, что я действительно спал, и что сейчас я нахожусь в системе Пхедок. Прошло два дня. Прошло 2 дня, а я даже не почувствовал этого. Как бы там не было, моей целью была планета Рахиш, куда я вёз лаптоп с документацией.

Впереди показалась незаселённая планета. «Самое место, чтоб опробовать зонд», – подумал я. Применив манёвр, я ловко вошёл в верхние слои атмосферы планеты. Воздух состоял из паров жёлтого цвета, так что в необитаемости можно было не сомневаться. Я просто выбросил зонд из трюма, как мне и говорили. На экране информации засветилось сообщение: «Планета Рапаха, запущен зонд «Оперон -10-». Завершение исследования поверхности через 46 дней». Подметив, что прочёсывание поверхности занимает длительное время, я вывел корабль из атмосферы и положил на курс на планету Рахиш.

За 4 часа полёта со мной не произошло ничего необычного. Остатки еды и банки из-под пива я бросил в дематериализатор, а оставшееся время просто наслаждался полётом, смотрел по сторонам и, в который уже раз, разглядывал приборную панель.

Показалась планета Рахиш – родина всех пеленгов. Из маленькой точки она постепенно превратилась в огромную планету, размером с Юпитер из системы Солнце. Я вошёл в атмосферу, и теперь можно было разглядеть её болотистую поверхность. Редкие домики причудливых форм покрывали поверхность, причём стояли они обязательно всегда на берегу болота.

Количество домов стало увеличиваться, а болота стали уже не главным фактором в их расположении. Высота домов тоже стала увеличиваться – я понял, что подлетаю к главному мегаполису планеты. Увидев высоченные здания космопорта и правительства, я пошёл на снижение.

Посадив корабль на посадочную площадку космодрома, я заправил бак, указал на минералы с желанием продать их. Также я выбрал пункт меню ремонта оборудования. Мой денежный баланс вырос на 60 кредитов. Неплохо, если учесть, что обе орудийные турели не пришлось покупать.

Первым делом я решил занести лаптоп местному правительству. Достав его из задвижки стола, я пошёл к выходу. Преодолев длинное здание космопорта, я оказался на широкой улице. Толпы народа двигались в разные стороны. В толпах этих количественно преобладали пеленги. Меньше было людей и малоков, а гаальцы с феянами носили экзотический характер. Обязательно стоило посмотреть достопримечательности древнейшей пеленгской планеты. Но не сейчас...

Я пошёл к зданию правительства. Я считал то, что их строят рядом с космодромами, очень удачным ходом. В приёмной сидел пеленг, или пеленгша – мне было всегда сложно определить пол инопланетян (ну, не считая феян, где определять было нечего).

Что угодно? – булькающим мелодичным голосом заговорила пеленгша (это была женщина – я определил по голосу).

– У меня документы для вашего правительства.

Будто что-то вспомнив, она глянула на экран компьютера, что стоял перед ней, потом на меня, потом опять на экран.

– Сейчас вас проводят, подождите, – улыbnулась она.

В дверях появились два пеленга в форме правительства и направились ко мне. Ничего не говоря, они вывернули мне руки за спину, развернули и повели к двери.

– Что такое?! – завопил я. – У меня документы для вашего правительства.

– Документы подождут. – Буркнул один из конвоиров.

– А куда вы меня ведёте?

– На допрос.

А вот теперь я начал вырываться. Восемь рук конвоиров удерживало меня, будь-будь как крепко.

– На помощь! – завопил я. – Я посол человеческого правительства! У меня важные документы.

– Ты рейнджер. И ты свободный агент, а никакой не посол, – сказал гнусавым голосом второй пеленг.

Он достал станнер и оглушил меня – больше я ничего не помнил.

Глава 7

Я очнулся в классической для всех времён комнате для допросов. Туманный воздух, на стене напротив вяло крутится вентилятор, освещая клубы воздуха дневным светом, поступающим снаружи между его лопастями. Я был привязан к стулу. У стены справа стояла лавка, на которой сидели несколько пеленгов. На этом инвентаризацию помещения можно было считать завершённой.

Напротив меня стоял пеленг. Свет не падал на его лицо. Одну пару рук он держал, скрестив на груди, другую пару заложил за спину. Увидев, что я очнулся, он направился ко мне, а среди сидящих у стены пеленгов прокатился радостный шепот.

Когда пеленг подошёл ко мне, я, наконец, рассмотрел его лицо – яйцеобразное, можно даже сказать не пеленгообразное лицо. Между широко поставленными ноздрями был большой вертикальный шрам. Он повернул голову и уставился на меня мутным ярко-зелёным глазом.

– Рейнджер, – начал он. – Вы обвиняетесь в преступлении против пеленгской расы.

– У меня было правительственное задание по доставке документов, – начал я.

Язык заплетался и не слушался меня, как после анестезии.

– Обвинение предъявлено вам по статье 410 пеленгского Кодекса о защите традиций. Вы сбили корабль, находящийся под нашим подданством, в системе Солнце.

– Это абсурд! – закричал я. – Я сбил малокского пирата!!! Уничтожение пиратов не поощряется, но и не осуждается галактической Конвенцией о правах и обязанностях. Статья 3, разве вам не известно?

– Да-а? – потянул пеленг.

Он явно не думал, что рейнджер-новичок предъявит ему такой контраргумент. Но, наконец, прекратив тянуть своё «да-а-а», он сказал:

– Конечно, как участники Галактической Коалиции, мы не можем пойти вопреки главному документу содружества, но, вам, очевидно, не известно, что этот самый малок-пират был... был... э-м-м... был нашим тайным агентом под... под прикрытием!

– В таком случае, почему он сбил феянский транспортный челнок? – не унимался я.

– На этом корабле пилотом был вовсе не предприниматель, а дезертировавший пеленг. Ему было известно слишком много, и наша разведка не могла позволить ему уйти.

– Почему же тогда этот «ваш агент» не сообщил мне об этом, а нагло начал угрожать?

– Вам же ясно сказано, что он секретный агент и работал под прикрытием. И он не мог... Впрочем, не ваше это дело – вы задаёте слишком много вопросов как для подсудимого.

– ПОДСУДИМОГО??? – я был взбешён последними словами пеленга. – Суд не ведётся над человеком, привязанным к стулу. Ему предоставляется адвокат! И вообще, это всё не идёт ни в какие рамки гуманности.

– Вы представитель нашей расы? – спросил пеленг и, не дожидаясь ответа, продолжал. – Значит, вам присвоен минимальный приоритет гуманности в отношении наших спецслужб.

– В Галактической Конвенции...

– ... сказано о гуманности в статье 67, а в статье 80 с поправкой 23/7 от 23.12.3297 сказано, что статьи, начиная от 65 и по 70 включительно, могут не действовать, если идут вопреки региональным законам той или иной расы или планеты, – отрезал пеленг. – Почему вы вообще пошли в рейнджеры а не преподавателем Галактического права? Всё, мне надоел ваш лепет! Присяжные слово за вами.

Каждый из сидящих на стуле подтвердил мою вину так, будто это был не суд, а заседание увеселительного клуба, и таким тоном, из которого можно было понять, что у них полно других дел, важнее, чем судит инопланетного рейнджера. Я даже начал сомневаться, компетентны ли «присяжные», и не выбраны ли они в случайном порядке из обычных прохожих на улице.

– Рейнджер признан виновным единогласно!

– Подождите, а как же моё задание по доставке документов вашему правительству?! – пытался спасти ситуацию я.

– На вашем месте, я бы беспокоился о своей шкуре, чем о каком-то задании. Но, запомните мою доброту, – пеленг ехидно улыбнулся, обнажив жёлтые зубы. – Я сообщу на планету Земля о том, что вы успешно выполнили задание.

Пеленг рассмеялся. В комнату вошли мои старые знакомые – два пеленга-конвоира. Захлёбываясь от смеха, судья приказал им отвести меня в камеру. Привычным жестом конвоиры взяли меня под руки, и повели прочь из комнаты, по которой раскатывался булькающий самодовольный смех пеленга-судьи.

Спрашивать о чём-либо у моих «сопровождающих» не хотелось, особенно припоминая прошлую попытку, закончившуюся электрошоком и забытием. Оказалось, что пока я был без сознания, меня транспортировали куда-то в другое место. О том, что узкий коридор с глиняными стенами и тусклым зелёным освещением, по которому меня вели в камеру, был не коридором здания правительства, я не сомневался. Пол был слегка подтоплен. В тот момент я жалел, что вместе с формой рейнджера не выдают новую обувь – подошвы моих старых ботинок пропускали воду. Мои ступни промокли и замёрзли, но я решительно не хотел сообщать об этом конвоирам по двум причинам: во-первых, от этого всё-равно не было бы никакого толку, а, во-вторых, рейнджеры не должны обращать внимания на такие маленькие недостатки комфорта, как промокшие ноги. «А что если я заболел какой-нибудь неизлечимой болезнью? Что толку от рейнджера, лежащего на больничной койке?».

Тогда же я вспомнил юмористическую передачу про находчивых рейнджеров. Один раз, ради смеху, какому-то рейнджеру-гаальцу, летающему в тыловой системе, предложили атаковать Террона. И вся соль не в том, что Терроном в системе и не пахло – рейнджер сказал абсолютно серьёзным тоном: «Я должен сохранить себя для борьбы с доминаторами. А вступая в локальные конфликты...» и так дальше. То ли он не знал, кто такой Террон, то ли, как и было рассказано в передаче, он чем-то занимался в каюте, а на место пилота просто поставил голограмму. То, чем он занимался в каюте, наверно, действительно было очень важным, иначе ему не пришлось бы в голову отключать каютный коммуникатор и ставить виртуального пилота в рубке с одной-единственной запрограммированной фразой для ответа, предложившему атаковать кого-нибудь. А вот действительно глупо бы выглядело, ответь эта голограмма такое при реальном бое с Терроном. Тогда этот сюжет попал бы не в увеселительную передачу, а во всякие комиссии оценки деятельности рейнджеров. И тогда запахло б жареным...

И вот вспомнив ту фразу, про сохранение себя для борьбы против доминаторов, я, было, открыл рот, чтоб сообщить о промокших ногах, но тут коридор моментально оборвался, выведя нас в огромный зал в форме эллипса. Посредине зала, до самого потолка, который был очень высоко, тянулась прозрачная шахта лифта. На каждом этаже от лифта шло несколько десятков дорожек в разных направлениях.

Не останавливаясь, меня повели к лифту. Лифт тоже был огромен – в него одновременно могло поместиться около 50 гуманоидов (если мерить малоками, то чуть меньше). Один из пеленгов нажал на кнопку на пульте, и лифт медленно пополз вверх. Доехав до нужного этажа, створки дверей лифта отворились, и пеленги повели меня по сетчатой дорожке, сквозь отверстия которой была видна дорожка низшего яруса. Подвесная дорожка закончилась, и начался коридор с камерами для заключённых, расположенными симметрично по обе стороны коридора. При их виде нахлынула ностальгия по Центру рейнджеров. Всё впечатление портили только решётчатые двери с замками на ключах-карточках. Дойдя до первой открытой двери-решётки, пеленги швырнули меня в камеру, быстро захлопнули дверь и закрыли её, проведя по замку карточкой-ключом.

Я встал на ноги и огляделся. Маленькое матовое окно в стене напротив двери, под окном дематериализатор и по совместительству унитаза. У правой стены висел гамак, у левой стоял стол, собранный из двух бочек, на которых сверху лежал лист металла, и импровизированный стул из деревянной коробки подле него. Попытав счастья в сидении на гамаке, я пересел на ящик возле стола, так как гамак сильно проседал под весом тела и сильно качался из стороны в сторону. Пересев, я снял ботинки и вылил из них собравшуюся внутри воду. Высушить их было негде, поэтому я просто швырнул их в угол. Ноги сильно замёрзли, и я принялся растирать их руками. Но руки оказались ещё холоднее ног, и всё тепло растирания уходило в никуда.

В камере было достаточно тепло, но пол был ледяным. Два резких прыжка и расстояние до гамака было преодолено.

Решив, что единственным способом согреть ноги, будет укутать их. Благо, рейнджерский костюм был сшит не сплошным комбинезоном, а состоял из куртки и штанов. Я остался в майке, и вскоре куртка уже была обмотана вокруг ступней. Пребывая в полном неведении о том, какое сейчас число, о порядках тюрьмы, о том, что случилось с моим кораблём, я закрыл глаза, не в силах обработать такое количество мыслей.

Глава 8

Я проснулся от жуткого холода. По рукам пошли мурашки, а вот ногам, как ни удивительно, было тепло.

В камере было темно. Где-то в глубине коридора одиноко тлел осветительный прибор, его свет почти не доходил до меня. Я раскутал ноги и одел куртку.

Перспектива ступать босыми ногами по холодному полу меня не радовала, поэтому следующим шагом был поиск ботинок. Я спустился с гамака, сел на пол и задрал вверх ноги. Посчитав эту позу непригодной для передвижения, я встал на колени, и слегка наклонился вперёд, упершись в пол руками. В таком положении я «пошёл» в угол, где покоилась моя обувь. Найдя один ботинок, я никак не мог найти второй. Наконец, я нашёл его под столом и страшно этому удивился. Обувь была влажной, но ходить в ней было лучше, чем босиком. Нацепив ботинки, я решил позвать охранника или вообще кого-то, кто смог бы прояснить моё положение. Направившись к решётке, я услышал резкий крик: – Стой!

Я вздрогнул, но не остановился. Подойдя к самой двери, я вступил во что-то скользкое. – Ну вот, – продолжил тот же голос. – Ты остался без ужина.

Глаза привыкли к темноте. В тусклом освещении я рассмотрел тарелку, стоящую на полу и в которую я вступил.

Я посмотрел на противоположную камеру – голос явно доносился оттуда, но темнота была настолько густой, что увидеть, что творится за решёткой, было невозможно. Вдруг сквозь прутья просунулась голова феянина. Его большие чёрные глаза пристально вглядывались в меня. Я понял, что он тоже не видит дальше двери моей камеры (но как он определил, что я иду именно к двери?). Высунув голову, я услышал его одобрителный оклик:

– О, наконец, проснулся. Слушай, рейнджер, у меня к тебе есть заманчивое предложение.

– Ко мне? – удивился я. – Ты же меня даже не знаешь. Впрочем, как и я тебя.

Сквозь решетку просунулась рука феянина, в которой был рейнджерский значок.

– Алиций?

– Какой такой Алиций? Слушай, по-твоему что, нас всех Алициями зовут? Или на всю галактику есть только один рейнджер-феянин?

– Ладно, извини, если что не так сказал.

– Забудь. Слушай моё предложение. Я планирую побег. Ты сможешь мне?

– Побег? И ты даже не спросишь, как меня зовут? Почему ты предлагаешь это именно мне?

– Не многовато вопросов задаёшь?

– Я всегда был любопытным.

– Что ж, ладно. Имя твоё мне неинтересно. А предлагаю я это тебе по двум причинам: первая – ты рейнджер и как-то ближе моему менталитету, чем весь окружающий тут сброд. Наконец просто потому, что и тебя, наверно, засудили за уничтожение пиратов? Так ведь?

– Так, – пробубнил я. – А какая вторая причина?

– Здесь четвертая часть всех пленных – засланные агенты пеленгской разведки.

Предложу кому-нибудь, а он настучит на меня, и отправят куда-нибудь на рубидиевые рудники...

– А с чего ты взял, что я не агент?

– А с того, что даже самые умные пеленги в жизни бы не догадались одеть своего «подсадного кнаша» в рейнджерскую форму.

– Почему?

– А хотя бы потому, что они бы обломались достать настоящую форму. Блицопрос окончен?

– Пожалуй, да. Так какой у тебя план?

– Эй, пойдн сюда! – закричал рейнджер-феянин охраннику, проходящему мимо. – Вы что, дали этому человечку «баланду №4»?

– Ну да, – оторопел охранник-пеленг. – Другим на этом ярусе не кормят. А что?

– А ты прислушайся...

Я стонал как можно более артистично. Холодный же пол придавал моим корчам в лежачем положении утончённость боли. Перебирая ногами, я катался от одной стены к другой, что явно было уже перебором. Очевидно, темнота скрывала все огрехи моей роли, поскольку пеленг бросил поверхностный взгляд в сторону моей камеры. Без очевидных причин, помогать мне он не спешил.

– Что это с ним? – в ответ на всё происходящее, спросил охранник у феянина.

– А будто не видишь? Пищевое отравление. Ты что, не читал, что люди очень долго климатизируются в новых условиях? Видал, как у них внешность разнится на разных планетах? А представь теперь, как отличаются их внутренности...

Призыв к оценке состояния моих внутренностей убедил охранника в том, что мне не совсем хорошо.

Он открыл камеру и вошёл. Я, будто не обращая внимания, продолжал кататься от стены к стене, теперь уже с дикими воплями. Став на пути моей траектории, пеленг небрежно выставил вперёд ногу. Я докатился до него и упёрся в ногу. Со стороны было похоже, будто он остановил катящуюся по склону бочку.

Я резко схватил его за ногу и крутанул – пеленг взвился в воздух и шлёпнулся на пол, глухо крикнув. Я вскочил, подбежал к нему и стукнул торцом ладони по его выросту на шее. Пеленг всё же поднялся, тяжело дыша, потянулся к станнеру, что висел на поясе. Я опередил его, молниеносно сняв станнер, и направил его на охранника. Из дула вырвался сероватый энергетический клуб, и, попав в пеленга, оглушил его. С лёгкими конвульсиями пеленг сначала опустился на колени, а потом плашмя рухнул на пол. Я подбежал к его бессознательному телу, теперь сняв с пояса 4 ключа-магнитки.

– Нашёл ключи? – наконец подал голос феянин.

– Да, но здесь их всего четыре.

– Красный, желтый, зелёный и белый?.. Всё правильно. Есть 4 типа заключённых: различаются по уровню вреда, нанесённого пеленгской нации. Давай, скорей открывай мою камеру.

Я засунул станнер в карман штанов и вышел из камеры. Тишина наполняла коридор, и не было никакого намёка на тревогу. Оглядываясь по сторонам, я пошёл к камере напротив.

Коридор тянулся в разные стороны, и концы его утопали во мгле. Однако, можно было рассмотреть, что большинство камер были открыты – в них было пусто.

На замке камеры феянина был нарисован жёлтый квадратик. Жёлтая магнитная карточка-ключ легко прошла сквозь паз, и замок с лёгким щелчком открылся. Феянин вышел в коридор. Он был очень худой. Из одежды на нём были странные штаны и что-то наподобие человеческой майки. Он тоже огляделся по сторонам.

– А где твоя форма? – поинтересовался я.

– Охрана отобрала.

– Но... как... Ты ведь говорил, что они обломаются достать форму рейнджера...

– На тебе не моя форма, – улыбнулся он.

– А если ты не один, у кого забрали форму.

– Снова ты начинаешь. Учись доверять, – феянин закусил губу. – Хотя я к тебе и не от доверия обратился. Просто надоело торчать здесь.

– Так бы сразу и сказал. А теперь пошли. Кстати, а ты знаешь куда идти?

– Оглянись – коридор идёт в две стороны. С одной стороны лифт. Вот и пошли к нему.

– А что с другой стороны?

– А какая разница? Всё равно единственный выход с верхних ярусов – это лифт.

– А если пожар? Лифт сломается? Должна быть система эвакуации или аварийный выход.

– Всего четыре слова, – отрезал феянин. – Пеленгская тюрьма и гаальский лифт.

– В смысле? – не понял я.

– В смысле, что явление поломки гаальских лифтов архиредкое, а пеленгская тюрьма... хех, что ж – они скорее позволят заключённым сгореть, чем потратят деньги на строительство системы эвакуации. А теперь у меня к тебе вопрос – мы что, на пикнике? То, что нет тревоги, не означает, что нам дадут спокойно выйти отсюда. Может, пойдём уже.

– Пойдём уже, – в тон феянину проговорил я.

И мы побежали в сторону лифта.

– Слушай, сними свои ботинки, – сказал феянин. – От них столько шума.

Мои ботинки действительно немного стучали подошвами об пол.

– Пол холодный, – хныкнул я.

– Да ну... Может, ты ещё и обратно в камеру хочешь? – фыркнул феянин.

Я молча снял ботинки, и только сейчас посмотрел на ноги спутника – он был босой. Прикинув свой вид в цивилизованном мире – человек в форме рейнджера и без обуви – я скрепил пряжки на разных ботинках, и перевесил их через шею.

– Что ты делаешь? – спросил феянин.

– А в чём дело? Ботинки я снял, просто расставаться с ними не хочется.

– Как знаешь...

И мы продолжили путь. Шаг сменился бегом, и вот мы уже увидели свет в конце коридора – это был выход к лифту. В отличие от отсеков с камерами, освещение вокруг лифта было на высоте. Дойдя непосредственно до конца коридора, феянин сказал стать к стене. Мы встали, прислонившись спинами к противоположным стенам. Феянин выглянул из-за угла и с минуту разглядывал окружающую обстановку.

– Тут повсюду камеры, – окончив осмотр, сказал он. – Очевидно, они есть и в коридоре, но они либо собственного производства – без детекторов движения и тепловых сенсоров, и в темени коридора бесполезны, либо просто отключены. Может, именно из-за бесполезности. Но это не важно. Камеры вокруг шахты исправно работают, и их там не меньше, чем надо, чтоб засечь любой шорох и его автора.

– И что ты предлагаешь?

– А тут и вариантов нет. Прорвёмся с боем.

– С боем? – ужаснулся я. – Ты ведь говорил у тебя план побега. Я думал ты изучил всё вокруг, просчитал до деталей, а оказывается...

– Да не кипятись ты так. Да, действительно, тут бы больше подошёл термин «идея побега». Но ещё не поздно вернуться в камеру, дружище, – и феянин хитро уставился на меня.

Делать было нечего. Вкусив призрачной свободы, его слова выглядели не большим, чем издевательство.

– Хорошо. И как выглядит твоё «с боем»? – спросил я.

– А вот так, – ухмыльнулся феянин.

Он отошел от стены и шагнул из темени коридора на освещённую площадку, ведущую к лифту. Послышалось жужжание. Я выглянул из-за угла, и увидел, как десятки камер поворачиваются в нашу сторону. Камеры любопытно уставились на феянина, он повернулся и сказал: «Бежим!» Меня не надо было просить дважды. Как только я выскочил на свет, феянин сорвался с места, и мы побежали к лифту. Тут же завывла сирена тревоги. Я бежал и смотрел по сторонам: камеры продолжали следить за нашим перемещением, но никакого движения на других ярусах заметно не было. Непонятно, зачем же тогда нужна тревога, если никто на неё оперативно не реагирует?

Мы подбежали к лифту.

– Ты же не выбросил магнитные ключи? – поинтересовался феянин.

– Нет. А зачем они тебе? – спросил я, доставая ключи из кармана куртки и бросая их феянину.

– Видишь щели под рубильником? – он поймал магнитки и показал пальцем на узкие отверстия под тумблером включения лифта. – Так вот, чтоб вызвать лифт нужно сначала включить питание, для чего надо вставить все четыре ключа.

Феянин вставил ключи в отверстия и повернул тумблер. Ничего не произошло.

– Видишь, вон там, где ты стоишь, кнопка на стене – нажми, – сказал феянин.

Я послушался. Теперь слышался удалённый гул кабины, которая медленно поползла к нашему этажу. Сирена, поначалу вызвавшая лёгкий дискомфорт, теперь казалась неотъемлемым звуковым оформлением ситуации. Ни на нашем ярусе, ни на других так никто и не появился, и нервничать заставляла только медленно поднимающаяся кабина лифта.

– Пока успешно прорываемся... с боем, – хохотнул я.

Феянин лишь загадочно ухмыльнулся.

Лифт подъехал к нашему этажу. Створки разъехались в разные стороны, и мы зашли внутрь кабины. Феянин нажал на самую нижнюю кнопку на панели, и лифт медленно двинулся вниз.

Я сел на пол и начал одевать ботинки. Феянин посмотрел на меня.

– Всё равно сирена воеет, – как бы оправдался я. – Кто услышит стук ботинок об пол?

Мой спутник будто потерял дар речи, и в последнее время только кивал и бросал вопросительно-загадочные взгляды то на меня, то, сквозь прозрачные стены кабины лифта на проползающие мимо ярусы.

Минут через пять лифт достиг первого этажа. Двери стали разъезжаться в разные стороны, и феянин спрятался за одной из створок.

– Ты чего? – спросил я.

Феянин только поднёс палец к губам, призывая меня к тишине, а другой рукой показал, чтоб я последовал его примеру. Умилительно кивнув, я остался стоять посреди кабины. Поршни дверей зашипели, и повисла гробовая тишина: сирена перестала выть, и я слышал стук своего сердца. Для верности я нащупал в кармане трофейный станнер.

Вдруг в кабину влетела дымовая граната, моментально наполнив воздух голубоватым дымом. Пока дым не сгустился, я успел рассмотреть, что около десятка четырёхруких силуэтов бегут в нашу сторону. Феянин закашлял, и метнулся вглубь кабины. Миг спустя граната вылетела из кабины, а феянин вернулся на прежнее место.

– Стреляй, чего ждёшь?! – завопил он.

Я достал станнер и спрятался за створку дверей лифта. Выглянув из-за неё, я увидел двух пеленгов с ружьями, перебегающих от одной колонны, что подпирали металлические площадки верхнего яруса, к другой. Я стрельнул раз десять, не прицеливаясь, но не попал ни в одного из них.

– Проклятье, как ты стреляешь? – возмутился феянин. – Дай сюда эту пукалку.

Я положил станнер на пол и пнул его. Оружие скользнуло к феянину, и в тот же момент два пеленга покинули укрытие одной из колонн, побежав к другой, что была ближе к лифту. Феянин подхватил станнер: два выстрела и два бегущих пеленга без сознания плюхнулись на землю.

Дым в кабине рассеялся окончательно; граната, выброшенная феянином, дымилась неподалёку, но не создавала нужного эффекта – газ быстро рассеивался. Мы пристально смотрели на колонны, пытаясь заметить за ними какое-то движение, но тщетно.

– Их было не меньше десяти, я видел, – сказал я.

– Шестнадцать, – холодно ответил феянин. – Осталось 14.

– И что теперь делать? Они сидят за опорами, и, небось, следят за кабиной, как и мы за ними.

– Беги и возьми винтовку, – смягчившимся голосом сказал феянин.

– А почему я?

– Я тебя буду прикрывать.

– А давай я тебя буду?!!

– Я видел, как ты стреляешь. И у нас больше шансов, если как раз я буду тебя прикрывать.

– Да уж, у кого больше... – бурчал я.

– По моей команде беги вон к той колонне, самой крайней справа, – феянин показал на колонну, находящуюся метрах в пятидесяти от меня.

– Она же далеко. Давай к этой! – я показал на самую ближнюю к лифту колонну.

– Беги, и окажешься под перекрёстным огнём. А если отправишься туда, куда я сказал, тебя можно будет достать только из-за одной колонны. А я как раз за ней и наблюдать буду.

– Ладно-ладно, только прикрывай хорошо, – я присел.

– Готов, раз, два... беги!

Я рывком выпрямился и побежал. Пробежав метров 20, раздался первый выстрел. Я перекувыркнулся вперёд через голову – за спиной в землю ударил плазменный снаряд. Тут же раздалось трещание станнера и глухой вскрик одного из пеленгов.

Чуть не потеряв равновесие, я вернулся на ноги и продолжил спринт. Успешно достигнув колонны, я спрятался за неё. Прислонившись к ней спиной и тяжело дыша, я посмотрел в сторону лифта. Теперь феянин не мог мне сказать куда бежать: он показывал направление, параллельное лифту, и махал опущенным вниз пальцем из стороны в сторону. Я одобрительно кивнул и выглянул из-за другого угла. «К какой же колонне разумно бежать зигзагами?» – думал я. Более-менее параллельно ко входу в лифт были расположены три колонны на разном расстоянии от меня. Выбрав ту, что была на среднем расстоянии от меня и немного смещена, я рванул к ней.

Я метался из стороны в сторону, порой неравномерно. Вот я ушёл вправо, и ещё больше вправо, а, уйдя влево, поджарился бы одним из плазменных зарядов, ударивших в место, куда бы я, теоретически, должен был броситься. Я ушёл влево – ещё один снаряд разорвался у самих моих ног. Не удержав равновесие, я упал на землю, но резко вскочил. Шар плазмы пронёсся перед самой грудью, пролетел дальше ещё немного и ударился о колонну, вывернув из неё кусок арматуры.

Тем временем феянин активно стрелял из станнера по охранникам тюрьмы. Очередной выстрел по мне – снаряд взорвался у самих ног, я подпрыгнул и перелетел над образовавшейся воронкой. Треск станнера, вскрик пеленга...

Наконец, цель была достигнута. Я прислонился спиной к колонне и глянул в направлении лифта, но обзору препятствовала одна из опор. Теперь я лишился прикрытия, и оставалось надеяться только на себя. Одно радовало: справа, метрах в десяти, лежал оглушённый пеленг и, рядом с ним, плазменная винтовка.

Я присел и высунулся из-за колонны – тут же в неё ударил плазменный сгусток, с хрустом отрывая куски облицовки и на лету расплавляя их. Тяжело вдохнув воздух, я спрятался обратно. «Если я просто выбегу, никакие кульбиты не спасут меня от превращения в расплавленную кашу», – думалось мне. Решение проблемы пришло спонтанно: я снял ботинок и швырнул туда, где валялась бесхозная винтовка. Как я надеялся, у охранника не выдержали нервы, и он среагировал на движение – прозвучал залп. В этот же момент я вскочил и, что было мочи, побежал к пеленгу, что лежал в обморочном состоянии.

Ещё один выстрел – я прыгнул, вытянув вперёд руки, будто ныряя, и, больно ударившись рёбрами об шершавый пол, приземлился за бесчувственным пеленгом. Подняв голову, я увидел торчащего неподалёку из-за колонны пеленга: он явно был в нерешительности: стрелять в меня или нет, ведь я спрятался за его живым товарищем. Ну, если не товарищем, то сотрудником точно. Отведя от него взгляд, я схватил винтовку, что теперь валялась на расстоянии вытянутой руки. Я пальнул в пеленга, и тот ушёл за опору. Не теряя времени, я подобрал свой ботинок и сменил укрытие, спрятавшись за колонной. Отсюда был виден лифт и выглядывающий из него феянин. Я потряс в воздухе винтовкой, он кивнул головой и побежал вон из кабины.

Тут же слева что-то шваркнуло, и на месте, где секунду назад лежал пеленг без сознания, было синеватое месиво, а воздухе запахло пригорелой рыбой. В стороне послышались выстрелы и треск станнера. Я обулся, и, выждав момент, когда пальбу начал и тот охранник, что расплавил близлежащего пеленга и считал меня тоже поджаренным, я высунулся из-за колонны, спешно прицелился и нажал на курок. Я не был готов к такой сильной отдаче, которой владела эта плазменная винтовка, в результате чего выпустил её из рук. Выстрелы прекратились. Нагнувшись, чтоб подобрать оружие, я увидел, что стрельнул очень удачно, полностью расплавив охранника.

Теперь можно было передвигаться не спеша, помня лишь одно: «либо ты, либо тебя». Скинув винтовку, я двинулся боком влево, туда, откуда и прибежал на данное место. В очередной раз послышался выстрел из винтовки. Где-то за спиной колонна приняла на

себя пучок плазмы. Вдалеке показался охранник, и я без раздумий, выстрелил в том направлении. Продолжая идти боком и наблюдать за обстановкой, я споткнулся об неровность пола и упал. Надо мной пронёсся сгусток плазмы. Не поднимаясь, я развернулся в направлении стреляющего, и дал залп. Очевидно, не попал. Поднявшись на ноги, я пошёл в направлении колонны, за которой прятался охранник, являющийся моей целью. Пристально целясь в том направлении, его появление, однако, застало меня врасплох. Враг вскинул винтовку и тотчас шар плазмы снёс ему пол туловища. Я посмотрел влево – из-за колонны вышел феянин, вооружённый винтовкой.

– Вот, решил сменить экипировку, – крикнул он, улыбаясь.

– Это все? – спросил я.

– Все, что остались. Четверо убежали за подкреплением.

– Тогда пора убираться отсюда.

– А в какую из дверей нам? – спросил феянин. – За которой выход?

– Ну как же? Вот за этой точно есть, – удивился я и показал на дверь коридора, по которому меня вели сюда. – Разве не знаешь? За ней коридор и зал суда.

– По правде говоря, я себя плохо вёл на заседании, и охранники вырубили меня, а очнулся я в камере, и через какие двери проходил не знаю.

– Тогда доверься на этот раз мне.

Для пушного эффекта я пальнул в дверь из ружья. Она расплавилась, и мы скрылись в коридоре с полом, залитым водой.

Глава 9

– Стой, – феянин преградил мне путь рукой.

– В чём дело?

– Прислушайся.

Мы остановились – остановились и брызги, летящие в разные стороны от нашего бега. Но далеко позади, слышался плеск воды, рассеваемой ногами наших преследователей. Пришлось прибавить скорости.

Непродолжительный бег закончился, когда мы достигли дверей в зал суда.

– Моя очередь, – сказал феянин и пальнул в дверь.

Та, без особой задержки расплавилась, и мы вышли из коридора в знакомое каждому заключённому помещение. Теперь я понял, что расположена она очень удобно по отношению к тюрьме – рядом. Что и доказывало мои догадки, что мало кого, если вообще признают невиновными.

Пол был сухой, и только теперь я заметил, что ноги промокли и замёрзли: было не до этого. Феянин потёр подбородок:

– Так, теперь бы найти окончательный выход из этого министерства юстиции, – хмыкнул он.

Мы направились к двери, ведущей вглубь здания, когда та неожиданно распахнулась, и на пороге появился рассеянный пеленг с бластером в одной из четырёх рук. Миг мы стояли и смотрели друг на друга. Пеленг пальнул по нам – мы бросились в разные стороны. Снаряд ударился об пол, вывернув из него, раскрошив в мелкую гальку приличный кусок.

Я спрятался за столом, мой друг феянин отлетел за лавку для присяжных. По полу до него тянулся тёмно-малиновый след; сам он держался за ногу.

Стол сотрясся от выстрела бластера, но не поддался. Уличив момент, я высунулся из-за стола и выстрелил из винтовки по пеленгу – плазма, вперемишку с тем, что секунду назад было его внутренностями, брызнула на стену. «Жестокое это оружие – плазменная винтовка. Кто вообще догадался использовать её для стрельбы по живым целям. Это отвратительно...» Ход моих размышлений о негуманности плазмового оружия прервал

протяжный вой феянина. Он продолжал прижимать, теперь уже окровавленные ладони к ноге.

Я бросился к нему. Выстрел из бластера прошил насквозь его ногу. Имея луч толще лазерного, и, соответственно, меньшую повреждающую способность, бластер был не намного хуже. В отличие от точечного лазера, его лучи имели меньшую плотность, и, при соприкосновении с более плотным материалом не коагулировали, а освобождали всю, несомую ними потенциальную энергию. Таким материалом, к счастью, оказалась не нога феянина, а пол...

– Надо остановить кровотечение... – согнулся я над ним.

– Да ну? Знаешь, я сам не догадался бы! – сцепив зубы, просипел феянин.

– А что я, по-твоему, должен сказать? «Вставай, хватит валяться...»?

– Извини, просто больно очень...

– Вот, – я достал из кармана носовой платок и приблизился к его раненой ноге. – Надо выше перевязать, и кровь остановится.

– Ниже.

– Выше. Тогда...

– Слушай, – феянин приподнялся на локтях. – Что тебе известно про систему кровообращения феян? А? Так что не спорь и завяжи эту тряпку ниже раны.

– Это носовой платок.

– Какой? А, ну да... Читал, что у вас – у людей – странная болезнь – насморк, – усмехнулся он. – Так?

– Да, – ответил я, наматывая платок на ногу феянина.

В коридоре, из которого мы пришли, снова послышался плеск от бегущих ног.

– С хвостом и с «этим», – феянин кинул презрительный взгляд на уже меньше кровоточащую ногу, потом посмотрел на меня. – Нам далеко не уйти. Следовательно, надо затаиться и отстрелять их.

– Согласен, – вздохнул я.

...Шум приближался. В комнату для допросов и зал суда по совместительству, вбежало 4 пеленга. Было похоже, что это отправившиеся за подкреплением охранники, и что подкрепления они не получили. Или, может, они просто спрятались, переждали, пока было «жарко». И, считая, что усыпили нашу бдительность, отправились вдогонку.

– Всё-таки ушли! – с горечью в голосе сказал самый дальний от меня пеленг. – Ничего, ещё есть шанс их догна...

Он не договорил – помешал ему выстрел феянина, спрятавшегося за лавой для присяжных. Плазмовый снаряд прервал раздосадования охранника, превратив его тело в массу нейтральной плазмы.

Пеленги не видели момент выстрела, соответственно не могли засечь место, из которого стреляли. Последнему способствовало то, что винтовка стреляет почти бесшумно. В результате они принялись палить в дверной проём.

План был таков: крайнего из вошедшего охранников сначала нейтрализует феянин. Воспользовавшись предвиденной неразберихой, крайнего со своей стороны нейтрализую я. Поняв, что стреляют не со стороны двери, пеленги должны были начать осматривать помещение. А там уже мы должны ориентироваться по ситуации. Теперь была моя очередь стрелять. Я прицелился и нажал на спусковой крючок, но винтовка не выстрелила. Я нажал ещё раз – никакого толку. Я принялся судорожно нажимать на курок. Вдруг винтовка издала громкое шипение.

Пеленги повернулись в сторону стола – моего укрытия, и принялись палить в цельную металлическую глыбу, коей он и был. Я думал, что вот-вот они подбегут к столу, заглянут за него и расстреляют меня в упор. Но они стояли на месте, и выпускали снаряд за

снарядом в стол, который только лишь чернел от выстрелов и немного обугливался. «Ну что ж, – подумал я. – Выстрелов с 300, и стол не выдержит.»

С характерным всплеском тело ещё одного охранника приняло на себя плазмовый снаряд... Выстрелы прекратились – было очевидно, что пеленги в недоумении. Воспользовавшись паузой, я выскочил из-за стола и побежал к охранникам. К моему счастью они стояли отвёрнутые от меня. Я приблизился к пеленгам, и что было мочи – двумя руками – метнул свою заряженную винтовку в одного из пеленгов, а сам прыгнул на другого.

Летящая винтовка чрезвычайно удачно угодила в затылок своей цели, и охранник без сознания осел на пол. Я же, сбив свою цель с ног и, обхватив пеленга руками, вместе с ним кубарем покатился по полу. Остановившись, я оказался сидящим на нём, и стукнул кулаком по лицу. Пеленг крикнул, но остался при сознании, и попытался сбросить меня. Я выполнил то, что в человеческом спорте под названием «бокс» называют хуком. Удар этот пришёлся ему по левому глазу. Охранник всё равно не прекращал попытки освободиться. Я схватил его за рог, и пару раз стукнул головой об пол. Наконец он затих.

Тяжело дыша, я слез со своей жертвы и отряхнулся. Феянин вышел из своего укрытия и направился к оглушённому винтовкой охраннику, держа на изготовке своё оружие. Я бросился к нему. Схватив рукой дуло, я отвёл его от лежащего на полу пеленга.

– Ты это чего? – феянин вопросительно посмотрел на меня.

– Он же нам не мешает, пойдём.

– Дай мне его прикончить.

– Зачем?

– Ну как это... он наш враг.

– Он охранник тюрьмы. Он всего лишь выполнял свою работу, которая заключалась в поимке бежавших заключённых.

– Это где ещё, кроме пеленгских планет сажают в тюрьмы за уничтожение пиратов?

– А разве ООН нас запроторил в тюрьму? – спокойно, в отличие от феянина, продолжал говорить я. – Он обычный рабочий. Может, он даже не согласен с саботажными взглядами родной расы. Может он и не знает, за что кого сажают...

Феянин выдернул ружье из моей руки:

– Тоже мне, гуманист нашёлся.

– Гуманист... – перед моими глазами всплыло лицо пеленга-танцора из Центра рейнджеров.

Ты так и будешь стоять тут? Лови! – спросил феянин, поднял и бросил мне плазмовую винтовку, что лежала подле пеленга. Я поймал оружие и посмотрел на него. Потом направил на стену и выстрелил – из дула ничего не вылетело.

– Это моя старая, заряжённая.

– Так перезаряди. Или возьми другую.

– А как перезарядить? – спросил я.

Феянин вздохнул, нагнулся и поднял другую винтовку. Он нажал на какую-то кнопку на прикладе, и из ручки ему на ладонь вывалился средних размеров светящийся предмет, похожий на колбу. Последовав его примеру, я тоже нажал кнопку, из ручки выпала такая же колба, но не светящаяся. Поймав брошенную феянином колбу, я засунул её в ручку.

– Вот и чудно. А теперь идём.

И феянин заковылял прочь из комнаты. Я подобрал ещё одну винтовку, извлёк из неё магазин-колбу, и направился за своим спутником.

– Ты жутко хромаешь, – заметил я. – Давай, запрокинь руку мне за шею – я помогу тебе идти.

Что-то буркнув, феянин всё-же не отказался от помощи. Нельзя сказать, что мы стали идти быстрее. Но теперь нас, вроде, не преследовали, и о скорости можно было не думать.

С полчаса мы блуждали по зданию в поисках выхода. Одни коридоры сменялись другими, за одной дверью следовали другие. Во время вынужденной экскурсии по зданию нам больше никто не встретился.

И вот, наконец, за очередной массивной дверью нас ждал тюремный двор. Прямо у стены здания стояло несколько глайдеров. Недалеко впереди виднелись башни с прожекторами, которые освещали территорию вне двора. Казалось, что они должны разоблачать не беглецов, а пытающихся проникнуть на территорию тюремного комплекса. Мы направились к глайдеру. Забравшись в него, феянин изъявил желание вести его, а мне посоветовал высунуть винтовку в амбразуру в задней стенке глайдера. Наш транспорт явно был не просто прогулочным глайдером: отверстие для оружия для отстрела преследователей, такие же по бокам и в лобовом окне. Предполагалось, что он также покрыт каким-либо слоем бронирующего материала.

Феянин нажал несколько кнопок: из приборной панели выскочил штурвал, глайдер тронулся и феянин повёл его к башням. От горизонта отделилась стена и стала расти в высоту. Когда глаза привыкли к темноте ночи, в этой стене мы смогли разглядеть брешь. Подлетев ближе, мы обнаружили, что на месте этой бреши должны быть ворота. Глайдер продолжал быстро скользить над поверхностью, едва не касаясь земли.

Вот мы уже покинули территорию, и смогли отлететь на приличное расстояние, когда один из прожекторов скользнул своим лучом по нашему транспортному средству. Для верности тактики побега, феянин повёл глайдер зигзагами. Где-то позади и иногда по сторонам слышались удары снарядов неизвестного оружия о землю. Но попадали они далеко от намеченной цели.

Дорогу выбирать не пришлось – от тюрьмы вёл всего лишь один путь. Вскоре стали видны верхушки города. Самыми высокими были башни-близнецы Здания правительства и Космодрома. Сомнений в том, что именно в этом городе арестовывали и меня, и феянина не было. На планете всегда есть максимум три оборудованных таким комплексом построек города. Как правило, они располагались в разных частях планеты. И вряд ли нас бы везли за-три-девять-земель, чтоб посадить в кутузку.

А пока глайдер уверенно приближался к городу.

Глава 10

Повиляв с добрый час по узким улочкам предместья и по широким проспектам мегаполиса, мы добрались до космопорта. Расстояние до него казалось ничтожным, но на пути у нашего глайдера всё время вставали тупики закоулков пеленгского города. Также пугающе на нас действовали полицейские посты, которые мы старались объезжать десятой дорогой.

Некоторые инопланетники, сидящие в холле космопорта на тюках в ожидании своего рейса, провожали нас недоумёнными взглядами. И было на что смотреть: человек-рейнджер чуть ли не тащит на себе рейнджера-феянина с окровавленной ногой. Пеленги-извозчики же, пронесившиеся мимо на тележках для багажа не обращали на нас никакого внимания; впрочем, как и другие пеленги. Этот факт казался странным, учитывая вечное излишнее пеленгское любопытство. «Ну да – камеры наблюдения! – осенило меня. – Администрация уже наверняка наводит справки, не были ли замешаны два рейнджера в происшествиях ближайшего дня!» Я сообщил о своих догадках феянину.

– Мда... – протянул тот. – Скорее всего, так и есть. Надо бы поторопиться.

И мы в ускоренном темпе пошли к посадочной площадке. На ней в данное время суток находилось огромное количество кораблей. Теоретически я помнил, где приземлялся, и направился в ту сторону.

– Ты куда? – феянин дёрнул меня за плечо, и мы остановились.

– Где-то там мой корабль. Ну... я там приземлялся.

– Нет! Твой корабль, как и мой, на штрафстоянке. Туда отбуксировывают все арестованные корабли. Нам туда! – и феянин махнул рукой куда-то направо. Без лишних пререканий, мы пошли в ту сторону.

Я сделал вывод: мой вынужденный друг по побегу был в рядах рейнджеров уже достаточно давно. Он знал много того, о чём я не имел даже смутного представления: перезарядка плазменных винтовок, штрафстоянка в космопорту... список можно продолжать ещё долго, наполняя его мелкими деталями поступков феянина.

– Вот и мой корабль, – сказал феянин.

Мы остановились возле небольшого фиолетового (таким казался его цвет в мерцающем освещении ламп, встроенных прямо в покрытие посадочной площадки) корабля причудливой формы: в землю он упирался изогнутым носом и такими же крыльями, сам же корпус находился над землёй на высоте порядка нескольких метров. Феянин, прихрамывая подошёл к одному из крыльев и дотронулся до него рукой. Дно корабля отделилось от корпуса и на гиниромасленных поршнях поползло вниз. Я подметил, что это очень оригинальное инженерное решение.

– Может, стоит, для начала обратиться в медпункт? – спросил я.

– Нет времени. Кажется, где-то в этом секторе есть Медицинский центр. Знаешь же – на космических базах нет правительства – они нейтральны. Там я подлечусь в тишине и спокойствии, а в местном медпункте буду постоянно оглядываясь на врачей, как на потенциальных стукачей. И, скорее всего, они сдадут меня, и мне прямая дорога обратно в тюрьму... нет! Я уж, пожалуй, потерплю с денёк, и доберусь до Медцентра.

– Как знаешь.

Мне вдруг пришло в голову, что во всех предыдущих местах, где я покидал борт своего корабля, он оставался открытым.

– А как ты открыл корабль? – продолжал я.

– На крыле есть специальное отверстие – суёшь в него ладонь, трюм и открывается. Когда уходишь с корабля так же запираешь. Никогда так не делал, что ли???

– Да нет... в голову как-то не приходило, – признался я, провозжая взглядом поднимающуюся платформу с феянином, и вдруг крикнул – Как тебя зовут?

Его ответ заглушил рёв антигравов корабля, что садился неподалёку. Оставшись один, мне ничего не оставалось, как продолжить поиски своего корабля. И я побежал вглубь штрафплощадки.

Плотность кораблей здесь была намного меньшей, чем на основной посадочной полосе. Вот я набрёл на первый человеческий корабль рейнджера. Я мог хорошо различать корабли только по расовой принадлежности (в смысле по принадлежности к той или иной расе-производителю). А вот различие кораблей одинаковой серии вызывало у меня трудности. Поэтому моим единственным верным ходом в поиске своего космолёта был перебор всех человеческих рейнджерских кораблей. Я надеялся, что их тут не очень много.

Я легко нашёл отверстие, в которое и сунул ладонь. Трюм не открылся. Я, было, уже хотел уходить, но меня осенило: когда гаалец-инструктор знакомил меня с кораблём, я прикладывал левую ладонь к экрану на спинке кресла. Не мешкая, я сунул в отверстие левую ладонь. Ликованию моему не было границ – шлюз трюма открылся, и я по пологой створке вбежал на борт.

Взлёт проходил по знакомому шаблону. Преодолев атмосферу планеты, я, наконец, почувствовал себя в безопасности. Первым делом я посмотрел на экран радара в поисках феянских кораблей. Но на экране были видны лишь два малокских транспортника.

Теперь я собирался убраться из этой пеленгской системы подальше, так как и другие пеленгские планеты могли проявить такую же недружелюбность. Вдруг на экране радара появилось три пеленгских военных судна. Сомнений не было – они взлетели, чтоб достать меня.

Выскочил коммуникационный экран – на нём появилось лицо пеленга. Он заговорил скрипучим голосом:

– Рейнджер! Вы только что незаконно покинули планету Рахиш, сбежав из колонии строгого режима. Предлагаем вам добровольно сдаться и сесть обратно на ранее упомянутую планету. В противном случае мы будем вынуждены открыть огонь.

Я ничего не ответил: лишь криво улыбнулся и подмигнул пеленгу на экране. Видимо, он продолжал ждать ответа. Я решил действовать. Выключив коммуникатор, я взялся за штурвал и на всех парах понёсся вперёд. Военные тоже заспешили за мной, но мощности их двигателей явно не хватало, чтоб тащить подобающее военным оборудование, да ещё и попевать за мной. Я же на своём легком маленьком корабле напротив – уверенно отрывался от преследователей. На первых порах они ещё доставали меня из своих самых дальнобойных орудий, но ремонтный дроид смиренно исполнял свой долг. Через несколько минут пальба по мне прекратилась, но на экране я видел, что военные продолжают лететь за мной, хоть и без малейшей надежды настичь и учинить расправу над непослушным беглецом.

Теперь я задумался над гиперпрыжком. Ближайшей системой другого созвездия была Арракис с одной заселённой феянами планетой. Запрограммировав автопилот на прыжок в Арракис, я удалился в каюту. При виде холодильника в животе забурчало. Не долго думая, я извлёк из него упаковку картофельного пюре и протеиновый напиток (пиццы с пивом не хотелось – хотелось здоровой пищи). Я уселся за стол и стал поглощать пюре.

Теперь каюта удостоилась моей более пристальной рецензии. В ней не было ни единой системы развлечения: ни стереовизора, ни аудиосистемы. Хотя сковывающей чувства тишины тоже не было: в глубине корабля мерно гудел двигатель, а рядом изредка потрескивал холодильник.

На первый взгляд обычная койка оказалась первоклассным перегрузочным ложем. Специально для гиперпрыжков под кроватью были установлены генераторы сна, повергающие рейнджера в здоровый сон во время межзвёздных перелётов. Иллюминатор на стене представлял собой обычный иллюминатор, за которым сейчас проплывали туманности и далёкие звёзды.

Взгляд опять упал на кровать. Изнутри меня на белый свет вырвалась зевота. Я как раз доел, и собирался сделать запись в дневнике-лаптопе, но сон брал верх. Я направился к кровати и, свалившись на неё, моментально захрапел.

Сон как рукой сняло. Я приподнялся на кровати и понял – корабль не двигается. Очевидно, я уснул, и корабль после этого совершил прыжок. Теперь же корабль вышел из гиперпространства, генераторы сна отключились, и я проснулся.

В животе снова было пусто. Психологически было не просто поесть, учитывая, что память говорила о приёме пищи несколько, возможно, часов назад. Ведь время, проведённое в гиперсне, не запечатляется в памяти. Я собрался поесть, но сперва сходил в рубку и поставил автопилот в режим следования до планеты Игмейриш – единственной заселённой в системе.

С аппетитом я уплетал очередной кусок пиццы, когда корабль тряхнуло. «Астероид» – подумал я. Но корабль тряхнуло снова. Учувя неладное, я кинулся в рубку. Ворвался в неё и онемел – в иллюминаторе был виден доминаторский корабль.

Размером не больший, чем мой, продолговатый корабль синеватого оттенка. Вокруг него по орбите, непонятно зачем, носились три сферы. Между этими сферами то и дело проскакивали электрические заряды, и в эти моменты корабль оказывался как бы в центре треугольника. «Штип», серия Келлер. «Если ты не умеешь безошибочно идентифицировать вражеские корабли, тебе нечего делать в рядах рейнджеров!» – гласил лозунг одной из пропагандистских реклам.

Очередное попадание вражеских орудий по моему кораблю вывело меня из оцепенения. Я был ошарашен, но не от страха – я никак не ожидал увидеть доминаторов так глубоко в тылу Коалиции. Быстро запрыгнув в кресло, я перевёл управление в ручной режим, и сразу активировал перевод орудий в боевую позицию. Осколочное орудие в гордом одиночестве поползло к амбразуре на крыше корпуса.

По поверхности корабля неистово носился дроид, латая обшивку. Его мощности немного не доставало, чтоб ликвидировать все повреждения в промежутке между выстрелами. «Осколочное орудие в полной боевой готовности» – сообщила бегущая строка экрана корабля. Я с силой нажал на гашетку на штурвале – в штипа понёлся пучок намагниченных осколков. Теперь и на его поверхности показался дроид.

До этого момента наши корабли болтались в космосе без движения. Но, после моего выстрела, вражеский корабль начал разворачиваться. Видимо, нанесённый мною урон был несколько значительным, заставив штипа броситься наутёк. Теперь уже я преследовал его, то и дело долбя по нему из осколочного орудия. Он не применял никаких манёвров, и летел просто прямо, не сворачивая и не виляя. «Роботы, – ухмыльнулся я. – Логика вам явно не хватает.»

По правому борту показался ещё один корабль. Я затаил дыхание, но мои опасения были напрасными – им оказалось судно Дипломатического корпуса феян. Не выходя на связь, дипломат присоединился к преследованию доминатора. Два его промышленных лазера то и дело награждали штипа голубоватыми смертоносными лучами.

– Теперь ему не уйти! – на экране коммуникатора показался щуплый феянин.

– Да, вместе мы его дождём!

Как раз в этот момент штип взорвался. Вспышка озарила темноту космоса и отбросила блики на наши корабли. В кучке бесполезных обломков всё же виднелись два уцелевших устройства.

– Дроид и промышленный лазер, – произнёс феянин, который явно имел опыт в схватках с роботами и натренированный глаз в распознавании их останков. – Ты не против если я заберу себе дроида?

– Нет конечно! – ответил я. – Без тебя мы его не уничтожили бы. Я, тогда, подбираю лазер.

Феянин улыбнулся и исчез с экрана. Когда дроид оказался у него на борту, он развернул свой корабль и полетел прочь. Промышленный лазер оказался для меня полезным трофеем – теперь мой арсенал стал более грозным.

«В любом случае, тут мне делать нечего, – размышлял я. – Если я нарвусь на доминатора посерьёзнее, даже с новой пушкой вряд ли смогу противостоять ему. Поэтому лучше убраться от греха подальше.» «А что если это посчитают дезертирством? – из глубины вынырнула ещё одна мысль?»

Раздумья прервала бегущая строка на экране, которая гласила: «недостаточно топлива для гиперпрыжка.» Пока мои мысли спорили между собой, я решил прыгнуть в систему Растабан, которая была в этом же созвездии. Оповещение о нехватке топлива заставило мысли поутихнуть, а меня, лишённого выбора, лететь к планете Игмейриш. Не без опаски я повёл корабль в том направлении. Вдалеке показался ещё один корабль. Я не сбавил скорость, и уже в скором времени пожалел об этом. Коленки затряслись – передо мной «Ургант» (предпоследний по тяжести корабль доминаторов) уютножил феянский военный корабль. Тот отчаянно отстреливался, но силы были не равны.

Я решил попытаться преклонить шальки весов Фортуны в сторону сил Коалиции и помочь военному. Да и долг рейнджерства окончательно и бесповоротно лишил меня любой альтернативы! Пальцы с силой впились в гашетки и, по предварительной обожжённой лазером обшивке урганта забарабанили осколочные снаряды. Робот даже не обратил внимания, продолжая добивать военный корабль. Я стрелял снова, и снова...

Вспышка... Неужели мы сбили урганта?! Нет... вспышку произвёл сам ургант. Источником её является уникальное оружие доминаторов – вертикс, выстрел которого

выглядит как сферическая волна, направленная от корабля и поражающая все корабли, находящиеся в радиусе действия. Я не ожидал, что на данном экземпляре вражеского флота установлен этот образец оружия. Его перезарядка занимает длинный период времени, и, судя по всему, вертикс просто перезаряжался до этого момента... Корабль сильно сотрясся. Для дроида снова появилась работёнка.

После такого эффектного выстрела военный корабль феян не выдержал и разорвался на кусочки. Это было плохо, даже плохо вдвойне: я лишился союзника, и внимание ургант теперь переключил на меня. Понимая, что мёртвый рейнджер – бесполезный рейнджер, я решил лететь к Игмейришу. Ведя бой на орбите всегда больше шансов остаться в живых, хотя бы потому, что в самый критический момент можно приземлится на саму планету.

Три последовательных выстрела доминатора так сильно трянули мой корабль, что я выпустил из рук штурвал. Моим козырем в данной ситуации была скорость: громоздкий ургант вряд ли бы успел за моим юрким кораблём. Не следовало также забывать, что я на пару с военным успел его изрядно потрепать. Пролетев под доминатором, я, выжимая максимум скорости, полетел к Игмейришу. Когда я вынырнул из-под него, ургант тотчас огрел меня новой порцией поражающих веществ из своих турелей. Я крепче сжал штурвал – на этот раз трянуло тоже неслабо. Явно его пушки были мощнее моих, да и любых, спроектированных да данный момент учёными Коалиции. Можно было попытаться уходить в стороны, но, учитывая феноменальную систему наведения орудий доминаторов, манёвры теряли смысл. Но я всё же попытался.

Я бросил корабль влево и вниз, вправо и вниз, резко вверх... Мне казалось, что такие кульбиты не поддаются никаким вероятностным анализам. Но урганту это не помешало попасть по мне.

Я не переставал отстреливаться, и только теперь заметил, что пальцы, побелели от той силы, с которой я давил на гашетки. Мне казалось, что вот-вот ургант разлетится на части – так долго я стреляю по нему. Но выстрел за выстрелом не приносили желаемого результата. Однако, я удалялся от урганта на всё большее расстояние. Не так быстро, как я надеялся сперва – доминаторы превзошли Коалицию не только в вооружении, но и в остальной технике. Ведь не мог обычный нырковый двигатель нести с ТАКОЙ скоростью доминаторскую махину!

Выстрел, за ним сразу ещё один – третье орудие урганта уже не доставало меня. Но вздохнуть с облегчением не позволил красный индикатор на экране корабля, сообщавший, что третья часть обшивки находится на критическом уровне прочности: дроид пасовал перед количеством наносимого мне урона.

Рядом проплывала необитаемая планета. Мне не представлялось возможным дотянуть до Игмейриша, но я вполне мог приземлиться на этой планете, переждать малость, хотя бы пока дроид более-менее восстановит корпус. Накренив штурвал влево, я повёл корабль к планете Жинтибус, как гласила подпись к планете на экране радара. Я вполне мог бы переждать время починки на борту корабля, но мне стало страшно интересно: может, на планете приемлемая атмосфера, и я смогу погулять немного по её поверхности.

Но дочитать до конца информацию о планете мне не было суждено – висящий на хвосте ургант выстрелил из перезаряжённого вертикса. Экраны заднего обзора залил оранжевый свет. Корабль сотрясло с необычайной силой, и я ударился головой об приборную панель. Мир исчез из поля зрения – его как будто выключили, как выключают стереовизор.

Глава 11

Я ждал, когда же темнота рассеется. Но этого всё не происходило – тогда я понял, что жив. Ведь для рая было слишком темно, а для ада – слишком тихо. Я лежал на животе в рубке своего корабля. И лежал на лобовом иллюминаторе, за которым ничего не было видно. «Может, меня засосало в какую-то чёрную дыру, ведь даже дальние уголки

космоса не бывают такими чёрными? – подумал я. – Этим и объясняется то, что я лежу на иллюминаторе – гравитационное поле корабля смещено.»

Я попытался приподняться на локтях, и тело пронзила боль. Боль, похожая на такую, как если бы меня потоптали малоки, и тело превратилось в сплошной синяк. Тем не менее, лежа там, я ничего не ведал об окружающей обстановке. Поэтому, борясь с болью, я встал на ноги. Корабль забавно выглядел в таком ракурсе: шлюз, ведущий в кабину, теперь был над головой. Не составило труда взяться за его края руками и вылезти в коридор.

Я поднял голову – створки шлюза, ведущего в трюм, были раздвинуты. Это и повергло меня в раздумья: неужели мой корабль упал на ту необитаемую планету? Теоретически, это возможно, но слишком уж невероятно! Но, если бы я был в открытом пространстве космоса... Для верности я втянул ноздрями воздух – нет, в вакууме дышать люди не умеют.

Подпрыгнув пару раз, мне всё же удалось зацепиться за одну из створок. Подтянувшись на руках, я вылез в трюм. Глаза уже привыкли к темени, и я мог разглядеть оборудование, которое непоколебимо находилось на своих местах. Только дроид болтался в воздухе, подвешенный на кабелях. Раздался грохот – я посмотрел вверх – ну просто удивительное везение: одна из створок внешнего шлюза накренилась во внутрь. Теперь сквозь эту щель трюм освещался слабыми лучами света.

Надо было как-нибудь добраться туда. Выдумывать ничего не пришлось – ответ дал решётчатый пол. Цепляясь пальцами за маленькие отверстия в сетчатом покрытии дна трюма, я полез вверх. Уже преодолев пол пути, нога соскользнула, и я полетел вниз. Шлёпнувшись на спину, по всему телу пробежал болевой спазм, а воздуха стало критически не хватать. Полежав с минуту, жадно хватая воздух как рыба, выброшенная на берег, и подождав, пока напомнившая о себе боль утихнет, я снова полез к заветной щели во внешнем шлюзе. В этот раз попытка оказалась удачной.

Высунувшись над поверхностью корабля, пришлось прищуриться – яркий свет дня ударил в глаза. Сделав ладонью козырёк, я стал оглядываться вокруг. Далеко впереди виднелись горы. Справа было море, или океан. Возможно, большое озеро. Слева береговую линию резко обрывали заросли растений с листьями причудливой формы. Обернувшись назад, я увидел на песке длинный шлейф. Он протянулся от моего корабля и аж до горизонта.

Я свалился на поверхность планеты необычайно удачно – под малым углом, что позволило кораблю не расплющиться в лепёшку вместе со мной, а проехать по берегу. Кабина вонзилась глубоко в песок

Я съехал по пологой обшивке корабля на землю. Отойдя немного, я оглянулся. Обшивка космолёта была в плачевном состоянии – в некоторых местах красовались кратеры от снарядов, сама же она приобрела черноватый оттенок. Я подошёл к водоёму, сложил руки лодочкой и зачерпнул немного воды. Запаха она не издавала, а вот на вкус была кисло-солёной. Решив не испытывать судьбу и организм жидкостью неизвестного состава, я вернулся к кораблю. Я сел на песок, упершись спиной о корпус. Звезда пригревала.

«Почему эта планета не заселена? – думал я. – Или, скорее, почему она не числится среди заселённых? Климат по первым минутам пребывания здесь, я могу оценить как приемлемый. Вода? Ну и что – моря на Земле тоже солёные. Но вода в море должна откуда-то браться, значит, есть надежда и на пресные водоёмы. А если это так, то велика вероятность, что на планете есть немногочисленные колонии. Возможно, где-нибудь живут фермеры, есть небольшие городки... А даже если это так, велик ли шанс того, что я упал поблизости одного из таких поселений? Вряд ли. Как бы там ни было, оставаться подле корабля бесполезно. Нет, стоп – а если местные жители заметили мой падающий корабль, и выслали кого-то проверить, что это такое упало с неба?»

Я бы мог ещё думать долго, если бы желудок не высказал свой протест пище для мозгов, мотивируя, что у него потребность в пище куда больше. Решив всё-таки вернуться после поисков еды к кораблю, я отправился в прибрежные джунгли. Заросли были странными не

только из-за деревьев: ничего кроме них там не росло. Ни травинки, ни кустика... также примечательным было то, что деревья росли на песке – почва в джунглях не отличалась от береговой. Я всё больше углублялся в заросли, шёл и оглядывался по сторонам в поисках чего-нибудь съедобного. На одном из деревьев я заметил одинокий плод, похожий на кокос. Подойдя к этому дереву, я обнаружил, что его ствол гладкий, как будто отполированный. Я пнул его ногой – дерево не колыхнулось. Рядом на песке валялась сухая ветвь. Я поднял её и стал бросать в плод в надежде сбить его. Вся беда в том, что он висел у вершины ствола. Поэтому я либо промахивался, либо попадал в ствол дерева. Меня уже начала разбирать злоба, когда, наконец, палка угодила в заветный плод. Тот сорвался и полетел вниз.

Я направился к торчавшей из песка добыче, но сполна насладиться ей мне не дал рык за спиной. Я обернулся – ко мне медленно приближалась зубастая тварь. Небольшая, бесхвостая, размером с небольшую собаку. Но зубы являлись отличительной чертой от всех диковинных существ, которых показывали по стереовизору в познавательных передачах. Её рот был похож на дикобраза – длинные, тонкие зубы-иглы заходили один за другой, чем напоминали заколку-крокодила для волос. Самые длинные доставали до песка, вырисовывая на нём тонкие борозды. Явно, тварь была не из глупых: подождав, пока я собою плод, она вышла из своего укрытия, ведь у неё не было никакой возможности добыть его. Её размеры не позволяли ни подпрыгнуть так высоко, а массы не хватило бы ударить ствол с надлежащей силой, чтоб плод сорвался.

Животное издавало гортанный рык, и, покачиваясь из стороны в сторону, подходило всё ближе ко мне. Я отошёл от сбитого плода подальше – тварь никак не отреагировала на это, и продолжала идти к плоду, лежащему на песке. Я стоял на безопасном расстоянии и наблюдал, как де она собирается съесть этот «кокос». Её зубы были острыми и длинными, но очень тонкими. Живую плоть, без сомнений, они кромсают хорошо, моментально превращая в паштет, но с крепкой скорлупой плода им не справиться. Но то, что исполнила тварь, меня удивило, даже рассмешило. Подойдя к «кокосу», она наклонила голову, смотрела на него около десяти секунд своими глазами-бусинками, а потом принялась что было мочи лупить по ореху головой. У меня отвисла челюсть!

Побившись с минуту головой об твёрдый плод, тварь остановилась, тяжело дыша. По зубам ручьями текла слюна. Тут тварь взглянула на меня. Я сразу присогнул ноги в коленях, готовый к побегу. Но она мгновенно отвернулась, и взяла плод в зубы. Даже не в зубы, а за зубы – «кокос» целиком скрылся за ними, будто за решёткой. От его тяжести животное наклонило вниз голову. И побежало прочь.

Когда твари уже не было видно за рядами деревьев, я отошёл от увиденного. Делать было нечего, и я продолжил поиск съестного. Проходив добрый час по зарослям, я так и не нашёл больше ни похожих деревьев с кокосами, ни хоть чего-то, отдалённо напоминающего плоды растений.

Начало смеркаться, и я, как и планировал, повернул обратно к кораблю. Найти нужный путь было не сложно. Пока я шёл, то разбрасывал ногами песок в разные стороны, делая тем самым дорожку для обратного пути. Дуновения ветра были слабыми и редкими, поэтому я не боялся, что дорожку занесёт. Когда я вышел на берег и увидел знакомый силуэт торчащего из песка космолёта, уже окончательно стемнело.

Я сел на песок и стал печально смотреть на звёздное небо. Мне было грустно и страшно. Грустно, что не удалось найти еду, и страшно, что у меня нет шансов убраться с этой чёртовой планеты.

Вот уже в который раз мне помешали спокойно подумать. Но сейчас я был только несказанно рад этому. Я поднялся на ноги и стал вглядываться вдаль – в ту сторону, откуда доносился шум. Линия горизонта в темноте слилась с небом, и только звёзды неотчётливо разделяли их. Шум стал отчётливым – это гудел антигравитационный двигатель. Вдруг недалеко от меня засиял свет фар глайдера. Поначалу мне не показалось странным, почему фары включили, максимально приблизившись ко мне.

Я стал подпрыгивать и кричать: «Я здесь! Сюда!!!». Внезапно песок у ног превратился в стекло, а сбоку, об обшивку корабля ударился второй снаряд бластера. Я беспомощно опустил руки, и чуть не завыл от безвыходности: и без того плохо встретившая меня планета теперь преподносит агрессивных местных жителей, вооружённых бластерами. Сломая голову, я побежал в прибрежные заросли. За спиной слышался хруст ломающихся бластерными снарядами деревьев. Джунгли мне очень помогали – забегая за деревья, меня невозможно было достать. Но выстрелы превращали могучие стволы в криво обрубанные пеньки, поэтому прятаться за ними было бесполезно.

Водитель так стремился догнать меня, что вовсе позабыл об опасности налететь на какую-нибудь местную пальму. На такой скорости это обернулось бы плачевно... Шум двигателя оборвался глухим ударом. Я остановился и прислушался. Внезапно взрывная волна бросила меня на песок, а ночное небо озарил столб огня – глайдер, преследовавший меня, врезался в дерево и взорвался. Выплюнув весь набившийся в рот песок, я встал, и молча побрёл обратно к своему кораблю. Проходя мимо пылающих обломков глайдера, я с укоризной посмотрел на них и покачал головой. Но до корабля я так и не дошёл – сон сморил меня. Перенасыщенный событиями день даже не дал мне подумать над вероятностью того, что в джунглях водятся хищники...

Глава 12

Светило стояло высоко в голубом небе. Я лежал на спине и смотрел на кружащихся в воздухе крылатых тварей – местных птиц. Мысль о том, что это здешние стервятники я гнал прочь. Был слышен плеск волн, и я понял, что вчера уснул недалеко от берега, а значит, и от корабля. Не знаю, что мною руководило, когда я собрал последние силы и остатки воли, и на корточках пополз к кораблю. «Пусть лучше думают, что рейнджер умер сразу, только выбравшись из корабля, а не от голода. Истерзанное стервятниками тело нашли...», – мысль ушла в другое русло. – Никто не нашёл рейнджера. Последний раз его судно было запеленговано в системе Арракис.»

Я быстро доплёлся до берега. Не выходя из зарослей, я поднялся на ноги и оперся на дерево. Так я стоял бы до самой смерти, если бы далеко справа не послышался треск. Он быстро приближался – это был звук пропеллера, двигавшего скутер на воздушной подушке. На нём восседал гуманоид, скорее всего, человек, но свет звезды бил в глаза и выделить черты фигуры я не мог. «Послали ещё одного головореза. Чтоб проверил, что случилось со вчерашней экспедицией» – подумал я.

И в голове созрел дерзкий план. Хотя я и выбился из сил, мои шансы резко возрастали, добудь я транспорт. Это бы позволило быстро покинуть место крушения, найти, для начала, заросли с более плодоносными деревьями. А там уже и лагерь агрессивных аборигенов. Раз у них есть бластеры, наверняка должны быть и космические корабли. А последующее развитие событий – дело техники. Разбросать охранников, запастись оружием, добыть челнок и убраться от греха подальше: примерно так. А пока с адским выражением лица я дождался, когда скутер подлетит ближе.

Вот скутер долетел до корабля и остановился. Человек (я убедился в этом) вылез из седла и спрыгнул на песок. Медленно он пошёл вокруг корабля. Когда человек скрылся за его громадой, я рванул туда, в надежде схватить его неожиданно, выскочив из-за крыла. Песок элегантно скрывал шум моего бега, мягко шурша под ногами, будто это вовсе не я, а ветер несётся по его поверхности. Удача была на моей стороне – я добежал до корабля быстрее, чем незнакомец показался в поле видимости. Я остановился за крылом и притих.

Человек появился из-за угла и, не подозревая о засаде, двинулся к скутеру. В длинном прыжке я настиг его, повалил на песок, и мы в обнимку покатались по берегу. Когда мы остановились, я занёс руку для удара. Но она так и не опустилась – с поднятой в воздух

рукой и открытым ртом я смотрел на свою жертву, распластавшуюся подо мной. Человек тоже широко открыл глаза от удивления.

– Саня? – дрожащим голосом спросил я.

Саня подтверждаяще замахал головой. Я слез с него и улёгся рядом.

– Что ты тут делаешь?

– То же самое хочу и у тебя спросить, – сказал он.

– Может, у тебя есть немного еды? Больно уж кушать хочется.

Саня полез рукой в нагрудный карман комбинезона и достал несколько разноцветных таблеток и протянул мне.

– Держи.

– Что это?

– Пищипюли.

– А воды?

– Они нейтрализуют и голод, и жажду.

Я залпом проглотил все таблетки. Где-то через минуту я нарушил тишину:

– Откуда они у тебя? Их производство засекречено, ими снабжают дипломатов и регулярные войска.

– И рейнджеров, кстати, тоже.

– Да? – искренне удивился я. – Мне об этом ничего не известно.

– Не удивительно. Рейнджерам вообще мало известно об их правах. Дело в том, что посчитав рейнджерство перспективным, Совет боялся лишь одного – что так не посчитает народ. В результате было введено множество льгот, афишированных в первые дни. Когда же новобранцы попёрли, как грибы после дождя, руководству было уже не выгодно содержать рейнджеров, которые мало-помалу садились на шею. Отменять льготы никто не собирался – это вызвало бы мгновенный резонанс в Совете. Поэтому о них перестали упоминать. В результате, становясь рейнджером ты получаешь лишь треть положенного: как вот торговая лицензия и бесплатный корабль. Те же пилюли, полагающиеся по закону, можно получить только если знаешь куда обратиться. Ты не задавался вопросом, зачем в Центре рейнджеров столько кабинетов, если ты проходил только несколько?

– Внутреннее управление.

– И не только... – загадочно протянул Саня.

– А зачем тогда на корабле специальный отсек для контейнера с провизией?

– Ого! – воскликнул он.

– Что «ого»?

– Таких кораблей уже лет пятьдесят как не делают. Ну и старьё тебе всучили...

Я чувствовал, как голод проходит, и тело наполняет энергия.

– Всё-таки, откуда ты тут? – я опять задал вопрос.

– А ты?

– Я первый спросил! И ни к чему это ребячество, – нахмурился я. – Ладно, я сюда прилетел отдохнуть, вот! Позагорать там, рыбку половить.

Саня кивнул, но ничего не сказал.

– Да ты чего, поверил? – возмутился я. – Доминатор меня сбил на орбите, вот я и шлёпнулся сюда, чудом жив остался. Теперь твоя очередь.

– Хочешь сказать, твой корабль неисправен?

– Так и есть. Почему он, по-твоему, такой покорёженный, наполовину утонул в песке.

– Приземлился плохо. Тут тебе не космодром – нет посадочной площадки и всего такого.

– Приземлился я действительно неудачно.

Мы оба рассмеялись.

– Ладно, ты мой друг, думаю, тебе я могу рассказать зачем я тут. Дело в том, что на чёрном рынке чрезвычайным спросом пользуются здешние животные – грызотвурги. Похожие на гиен, с длинными тонкими зубами. Не видел случайно?

– Как же, видел! Один этот грызво...
– Грызнотвург.
– Один этот грызнотвург у меня орех спёр! Тут неподалёку. Пошли, покажу где.
– Не надо. Это самец. Самцы добывают пищу. Ценностью обладают только самки.
– Почему? – удивился я.
– Не знаю. Такие вот заморочки у богатых.
– Название у них странное.
– У этого слова малокское происхождение, – с пафосом сказал Саня.
– Малокское? Эти твари ещё где-то водятся?
– Нет, только на Жинтибусе.
– Почему же у тварей малокское название? Ближайшая планета малоков в соседнем созвездии, да и вообще оно парсеков за тридцать отсюда.

Я ждал ответа типа «малоки первыми их открыли», но то, что поведал Саня, меня поразило.

– Вероятно, ты задумывался, почему планета с такими условиями обитания незаселённая.

Я кивнул, но Сане для продолжения этого не требовалось.

– Когда-то на ней обитали малоки. Да-да! Малоки у нас парни серьёзные. Здешние же мечтали сделать на планете настоящий промышленный центр. Выпускать тяжёлое вооружение, бомбы, боевых роботов. Короче, превратить планету в военно-производственный комплекс. Ясно, что для этого были нужны деньги. Правительство решило финансовую проблему неординарно: именно в то время разыгрывался тендер на захоронение токсических отходов. Ясно, никто не хотел делать из своей планеты зону свалки. Если бы не местное правительство, то свалку организовали на какой-нибудь незаселённой планете: потратили бы больше денег на организацию труда, но речь не об этом. На кону был солидный куш, и пытливым малокам никто не помешал его урвать. Отходы потянулись со всех уголков галактики. И малоки, купавшиеся в деньгах и вооружении, через некоторое время стали купаться ещё и в радиоактивной водичке. В биосфере начались мутации, время жизни местного населения резко сократилось. Было принято решение эвакуировать несчастных, а планету объявить зоной бедствия. Вот такая история Жинтибуса. Кстати, а название-то люди придумали! Правда, уже потом, когда всех выселили, а первоначальное название вовсе позабыли. Звучало оно как Жадины, но так как система находится под всесторонним контролем феян, название те перекивили на свой лад.

– Значит на планете, кроме охотников никого быть не должно?

– Именно.

– Ну и ну! – у меня в голове созрел каверзный вопрос. – Скажи, а на охоту на грызнотвургов все браконьеры ездят с бластерами? Что, они такие опасные?

Саня вскочил на ноги:

– Ты видел тут гуманоидов? Где???

– Вчера вечером кто-то в меня пару раз стрельнул, потом на глайдере преследовал меня в зарослях, и врезался в дерево.

– Что с глайдером? – разволновался он.

– Взорвался, конечно.

Саня опять сел на песок и задумался. Я смотрел на него.

– А откуда они прилетели?

Я не отвечал. Наконец Саня повернулся в мою сторону и увидел, что я пристально смотрю на него, прищурился. Он открыл рот, чтоб повторить вопрос, но я разразился криком.

– Чёрт возьми, Александр! А ну выкладывай на чистоту цель своего визита на Жинтибус, – я схватил его за грудки. – Не меня ведь спасать прилетел.

Я был слабее его, но временами я становился психованным, начинал орать: в меня будто вселялась фурия. В таких вот аффектах я выглядел очень страшно, и даже самый сильный и бывалый мог струсить, увидав меня в таком состоянии. Обычно меня доводили до сумасшествия ложь и открытое подхалимство, а в Сашиной небылице было слишком много вранья.

– Пусти, – процедил сквозь зубы он.

Я отпустил его, Саня опустился на песок, откашливаясь. Я встал над ним. Тишина длилась с минуту.

– Не обижаешься? – робко поинтересовался я.

– Не за что, – ответил он.

Затем Саня достал из нагрудного кармана какой-то оранжевый значок и протянул мне. Я взял его в руки и оторопел – это было удостоверение члена Дзухаллага! На лицевой стороне было теснение в виде треугольника, под которым на пяти основных языках, плюс на космолингве, значилось «Духаллаг». На обороте была фотография Сани, подпись «Человеческий отдел», ниже какой-то код из цифр и букв. Я посмотрел поверх удостоверения на друга.

– Ты ведь не причастен к закрытию фарюковой фермы на Земле?

– Да ты что? Нет! И Дзухаллаг тоже, смею заверить. Скорее всего, это было персональным заданием Рохли, не имеющим отношения к организованному саботажу.

Я ухмыльнулся, помолчал и продолжил:

– И охота на грызновугров плавно превращается в...

– ...в расследование об исчезновении рейнджеров, – выдохнул Саня.

– Вот как? Очередная сказка? Опять выпил?

– Никак нет. Пьянство в баре космопорта было конспирацией. Разве ты не удивился, что мой голос был то трезвым, то пьяным?

– По началу. Потом я списал эти перемены на громкость: кричал ты пьяным голосом, а шептал трезвым.

– Это было прикрытие. Ну, подсел к тебе за стойку человек «под мухой». Что, ты будешь бояться говорить о делах с компаньоном, опасаясь «левого» собутыльника? Не думаю. А тут пришёл ты. Не мог же я испортить конспирацию только ради разговора с тобой?!!

– Твоя правда. И что, пьянство с бизнесменами принесло плоды?

– Да, – гордо заявил Саня.

– Поделишься?

– Не думаю, что это интересно – сухие факты. Которые, однако, привели меня на эту планету. Я разбил лагерь тут, неподалёку. Два дня ничего не происходило. Как позавчера ночью на планету, сразу в двух местах, что-то приземлилось. Или упало – я тогда не знал точно. Отправился в одно место падения – там ничего не обнаружил. Возможно, объект вошёл в атмосферу и сгорел, так и не достигнув поверхности. Направившись во второе, я нашёл тебя.

Мы лежали на песке. Звезда всё больше припекала.

– Полетели в мой лагерь, а то тут жарко становится, – предложил Саня.

– У меня идея получше – давай улетим отсюда!

– Нельзя. Во-первых, мне надо выполнить задание: отыскать, что же на этой планете связано с пропажей рейнджеров. Во-вторых, в системе сейчас продолжается сражение с доминаторами. А у меня всего лишь маленькое дипломатическое судно, которое роботы миглом продырявят.

– Грустно всё это. То есть ты хочешь сказать, что пока не найдёшь причину исчезновения рейнджеров, с планеты не уберёшься?

– Именно.

– Тогда, в интересах скорейшего выполнения этой задачи мне не остаётся ничего другого, как предоставить тебе свою посильную помощь. Примешь её? – проговорил я, насытив речь цветастыми фразами.

– Мне не остаётся ничего другого, – улыбнулся Саня.

Глава 13

Лагерь агента Дзухаллага и просто моего хорошего друга Александра располагался глубоко в зарослях, где-то в пяти километрах от места моего крушения. Почва здесь была глинистой, кое-где виднелись пучки травы и кусты. Кусты выделялись изо всей флоры Жинтибуса, поскольку самые крупные экземпляры были размером с двухэтажный дом. В одном из таких кустов Саня спрятал свой корабль, а чуть поодаль расположил лагерь. По сути, он являлся одним небольшим навесом из кожи пакряков, который Саня натянул между деревьями. С помощью специального устройства на поверхность навеса проецировалась земля, чтобы с высоты не было заметно дислокации агента. Под навесом расположился радар, диван-раскладушка рядом со столом и ещё несколько устройств, прямого назначения которых я не знал.

– Почему ты всё вынес из корабля? – поинтересовался я, осматривая хитроумную технику.

– Так радар лучше ловит волны зонда, – ответил Саня, и, поймав мой взгляд, добавил. – Перед посадкой я вывел на орбиту зонд. Теперь он каждые две минуты присылает снимки поверхности. Вот, смотри.

Мы подошли к столу, на котором лежал планшет с двумя кнопками. Саня нажал на одну из них, и поверхность стола заполнил голографический снимок планеты с высоты птичьего полёта.

– К сожалению, зонд старый, увеличение у него нерегулируемое, сенсоров, и сканеров в нём нет – просто наблюдатель, – сказал Саня, и нажал на другую кнопку. – А это карта планеты, я сделал панораму из отдельных фотографий.

Всё южное полушарие занимал океан. Из крупных водоёмов были ещё только две реки. Весь континент (единственный на планете) поперёк пересекал горный хребет. Западнее располагалась пустыня, восточнее – джунгли. Я прикинул, где мы сейчас находимся.

Мы склонились над картой.

– Значит, откуда прилетел глайдер? – спросил Саня.

– Со стороны гор, – ответил я.

– Горы, горы... – приговаривая, Саня стал водить пальцем над картой вдоль хребта. Крякнув, он выпрямился.

– Чёрт, в таком масштабе никаких деталей не видно. Надо сказать начальству, чтоб списало эти зонды на металлолом. Может, за десяток один хороший дадут. Придётся нам самостоятельно искать вражескую базу. Пересечь такие отвесные горы на глайдере невозможно, разве что там есть расщелина. Будем надеяться, что это не так.

– Итак, как всё это будет выглядеть?

– Ну... – загадочно протянул он. – Для начала давай занесём всё оборудование обратно на борт корабля. Миссия подходит к концу. Во всяком случае, радар нам больше не нужен. С собой возьмём только самое необходимое – оружие и пищилюли, на всякий случай. А теперь давай, бери вот эту жестянку и неси на борт.

Сам Саня взялся отключать радар от проектора. Я понёс железный прибор на корабль. Взойдя на борт через грузовой шлюз, я огляделся: трюм был миниатюрным. Из всего возможного оборудования были лишь двигатель, топливный бак и радар. Даже оружия не было установлено.

– Мало оборудования, знаю, – прокомментировал трюм только что подошедший Саня. – Пушки установить невозможно. Мне специально дали такой кораблик. Без пушек лететь значительно быстрее, а я бы обязательно поставил пару батарей, была б возможность.

Мы положили оборудование в дальний угол трюма и отправились за новой порцией.

К вечеру начался дождь. Как раз в этот момент мы завершили погрузку.

– Пора позаботиться о нашем арсенале, – сказал Саня и направился вглубь корабля.

Я пошёл за ним. Его каюта выглядела типично – никаких изменений в её обстановку Саня не вносил. Разве что вместо стола стоял огромный титановый сундук с замком на основе сканера отпечатка пальца. Саня приложил палец к замку и открыл сундук. В нём лежало несколько плазменных винтовок, пара магазинов к ним, связка ультраплазменных гранат. К стенкам были прикреплены различного вида ручные станеры и упаковки с пиццилюлями.

– Винтовкой умеешь пользоваться? – спросил Саня.

– Приходилось, – ухмыльнулся я, принимая в свои руки оружие.

– Вот ещё пару гранат – повесь на пояс. И ещё упаковка пилюль. Мы либо победно завершим миссию прежде чем они закончатся, либо нас убьют. Больше в любом случае не нужно. И ещё возьми вот эти очки. Они настраиваются на любой диапазон волн: хочешь, будут тебе устройством ночного видения, хочешь – рентгеном. А хочешь – просто фонариком, вот тут сбоку лампочка.

Саня захохотал, потом вынул ещё несколько вещей, поднялся на ноги и закрыл сундук. Его экипировка не отличалась от моей.

Повисла тишина – лишь было слышно, как капли дождя барабанят по толстой обшивке корабля.

– Вот ещё что, – опомнился Саня и подошёл к холодильнику.

Открыв его (холодильник не работал), он достал оттуда два серых плаща.

– Надень, – он протянул одну из накидок мне. – Дожди на этой планете до сих пор кислотные, в один миг потрескается кожа и выппадают все волосы.

Надев плащи, мы были готовы выдвигаться. Мы вышли из корабля и оседлали стоявший неподалёку глайдер. Саня повёл его к берегу. Потом вдоль берега мы промчались возле громады металла, бывшей когда-то моим кораблём. В свете двух лун, пробивавшемся сквозь рваные тучи, он выглядел как какой-то магический валун, перекочевавший к нам из древности.

Горный хребет становился всё больше и больше, наконец он скрыл за собой луны и половину ночного неба. Мы быстро приближались к горам. Пустынный песочный берег сменился джунглями. Время от времени, прямо на нашей дороге невесть откуда вырастали огромные серые каменные глыбы: тогда Сане приходилось резко бросать глайдер в сторону, отчего я чуть не вываливался из седла.

Равнина закончилась отвесной скалой. Саня сбавил скорость, выключил фонарь и повёл глайдер вдоль каменной стены вглубь зарослей. Через полчаса мы наткнулись на пещеру. Нацепив чудо-очки и вскинув винтовки, мы направились внутрь. Пройдя с десятков метров, мы увидели, что впереди что-то зашевелилось. От неожиданности я нажал на спусковой крючок. Существо не издало ни звука. Мы подошли ближе и обнаружили, что достигли конца пещеры. Рядом с останками убитого существа было гнездо из жухлой травы, в котором копошилось несколько маленьких грызновугров.

– Вот это да. Никогда не видел малышей этих тварей. А они достаточно милые, – наклонился над гнездом Саня.

– Хочешь, возьми себе одного, – хихикнул я. – Будет тебе домашнее животное. А за провизией для него будешь сюда летать.

– Мы сюда не домашних любимцев пришли искать, – отрезал он. – Теряем время.

И Саня направился вон из пещеры. Я последовал за ним. И вот уже мы мчимся дальше, высматривая базу негодяев.

Дождь усилился. То и дело были слышны гулкие раскаты грома. Дымка, сперва славшаяся по земле, сейчас перешла в густой туман.

– Странно, – заметил я. – Почему появился туман, ведь идёт дождь. Ведь эти природные явления несовместимы.

– На этой планете всё, несовместимое в наших понятиях, прекрасно уживается. Привыкай.

– Тебе не кажется, что мы ищем иголку в стоге сена? Может, мы вообще на неправильном пути?

Саня резко затормозил и приложил указательный палец к губам. Я прислушался: недалеко впереди раздавались негромкие голоса. Мы слезли с глайдера, вскинули винтовки и двинулись на голоса. Раздался выстрел – мы упали на землю. За выстрелом послышался смех. Очевидно, стреляли не по нам, но для большей скрытности мы приблизились к скале и двинулись под её прикрытием (наши плащи были серыми, как и скальная порода). Вскоре мы приблизились к источникам голосов – это были трое пеленгов и один малок. При свете парциальной лампы они упражнялись в стрельбе из бластеров по дереву. На вид четвёрка была под влиянием алкоголя, поскольку не могла попасть в дерево с расстояния в тридцать метров, и к тому же после каждого выстрела все начинали по-дурацки хохотать.

Тут же мы обнаружили брешь в скале – по всей видимости, они и охраняли вход в пещеру. Я пошёл ко входу, но Саня остановил меня.

– Нужно их убрать, – сказал он, снимая винтовку с предохранителя.

– Они же не мешают попасть нам внутрь. Зачем? – я решил, что пора начать обходиться без жертв.

– А что если внутри нас засекут и позовут на помощь? Неплохая подмога выйдет из этих, – он кивнул в сторону упражняющейся в стрельбе четвёрки.

– Они же пьяные!

– Мы не знаем этого наверняка. Может, они просто безмозглые растяпы. Кроме того, даже если всё так, как говоришь ты, это вряд ли им помешает стрелять в нас, и даже попасть. Может и случайно, но попасть.

Аргументы были исчерпаны, а факты указывали на то, что охранники обречены. Саня сделал четыре выстрела. Четыре точных выстрела по очереди оборвали гогот каждого из охранников. «Без шума и пыли» как говорили в одном очень-очень старом фильме.

Мы вошли в пещеру. На стенах тускло горели светильники, а пол был устлан металлическими платформами, образующими подобие дорожки. Мы медленно двинулись вперёд – пещера уводила нас вглубь скалы. Коридор был не прямым, то и дело приходилось останавливаться и осторожно выглядывать из-за угла. Лишь однажды за углом мы увидели дремлющего малока. Решив не испытывать судьбу, Саня выстрелил в него, а я в который раз задумался над тем, кто дал нам право лишать жизни живых существ. Разве что они бандиты, но мы даже этого ещё не знали наверняка.

Коридор закончился просторным залом с пятью проходами в более узкие коридоры. Возле каждого стоял охранник малокской расы. На этот раз нас заметили, и охранники начали с усердием стрелять из бластеров, обугливая своды выхода в зал из которого показались незваные гости. Мы быстро прижались к стене, так, чтоб нас не могли достать снаряды.

– Твои двое, те, что слева. Прикрой меня! – сказал Саня, и не дожидаясь моего ответа, выпрыгнул в зал и покатился, паля из винтовки.

Я вышел из укрытия. Саня успел снять одного, а оставшиеся стреляли по нему. Два малока, которых предстояло убрать мне, как раз начали перезаряжать бластеры. Я прицелился и сделал два выстрела. Первый попал точно в цель, а второй пришёлся мимо. Малок посмотрел в мою сторону и оторопел: очевидно он не увидел, что мы были вдвоём и был уверен что единственная мишень сейчас котится по полу. Я тоже почему-то

уоставился на него и стоял без действия. Продолжалось это недолго – Саня сам убил заглядевшегося на меня малока.

– Растяпа ты, – бросил он в мою сторону, поднимаясь с пола и отряхиваясь. – Да и стреляешь к тому же паршиво.

Мне стало неловко – это замешательство могло стоить жизни не только мне, но и Сане.

– Я в крайний правый проход, ты в левый, – продолжал он.

Я хотел было возразить, что разделяться в незнакомом помещении может не сыграть нам на руку, но Саня уже скрылся в коридоре. Пожав плечами и тяжело вздохнув, я пошёл своей дорогой.

Коридор оказался коротким и закончился балконом. Внизу расположилась небольшая лаборатория. Несколько гаальцев и феян носились между столами с примусами, колбами и прочими приборами. Тут я задал себе вопрос: «Что я должен искать?» Саня даже не рассказал мне ничего толком про цель операции. Думая об этом, я вернулся к развилке. Сани там не было, и я пошёл в следующий коридор. Этот закончился хробайтовой дверью. Я выстрелил из винтовки по ней – плазма нейтрализовалась и лишь брызнула в разные стороны. Выстрел по цифровому замку тоже не принёс желаемого результата. Мне снова восвояси пришлось возвращаться к развилке.

Средний коридор встретил меня аналогичной дверью, зато следующий привёл меня в некое подобие казармы. Маленькое, тускло освещённое помещение с водой на полу и едким запахом плесени. «Не удивительно, что тут никого нет! Находитесь здесь невозможно!» – подумал я, с отвращением зажав нос. Шесть двухэтажных нар и платяной шкаф – всё, что было тут из мебели.

«Двенадцать спальных мест, – думал я, шагая прочь из вонючего барака и пытаюсь вспомнить, сколько видел гуманоидов в лаборатории. – Четверо охранников снаружи, один в коридоре, ещё пятеро в зале. Нет, в лаборатории было точно больше чем двое гуманоидов. Наверно, у тех учёных есть отдельная комната для отдыха».

Я вернулся обратно: опять зал, опять развилка, и оставшийся коридор, в котором десять минут назад скрылся Саня, и не вернулся до сих пор. В него я вошёл с некоторой опаской. Осторожно ступая по металлическому полу, я прислушивался, не раздаются ли какие звуки из глубины коридора. Но кроме стука собственного сердца я ничего не услышал. Коридор заканчивался шлюзом. Прислонившись к стене, я ещё медленнее пошёл к нему. Створки с шумом разъехались, и на меня моментально уставились два чёрных дула бластеров – двое малоков без дрожи в руках и с непоколебимой гримасой на лицах целились прямо в меня. Я выпустил из рук винтовку – та с лязгом упала – и поднял вверх руки. Присмотревшись, я увидел стоявшего напротив какого-то стола Саню, который оглянулся и с досадой смотрел на меня. Из-за него показалось улыбочивое лицо гаальца.

– Ну что же ты стоишь в проходе? – спросил гаалец. – Заходи, не стесняйся. Кстати, сколько вас там ещё, много, а то я устану отвечать по несколько раз на идентичные вопросы ваших коллег.

– Много, очень много. Тебе не выбраться отсюда, – завопил я.

– Почему же так грубо? И так громко. Я не люблю повторяться, но... – гаалец помолчал несколько секунд и продолжил. – Так уж и быть, и на твои вопросы я отвечу. Я уже всё интересное рассказал твоему другу, но расскажу и тебе, так как, боюсь, у вас не будет более возможности пообщаться.

Гаалец ехидно прищурился, и его улыбка расплзлась ещё больше.

Малоки опустили бластеры и приглашающе кивнули головами. Я вошёл в комнату. Она не шла ни в какие сравнения с казармой, которую я недавно имел несчастье посетить. Стены покрашены в светло-жёлтый цвет, с потолка комнаты-пещеры свисала роскошная люстра, излучающая слабое фиолетовое сияние, но тем не менее, прекрасно освещающая даже самые дальние уголки.

Я подошёл к столу и стал рядом с Саней. Гаалец в ожидании смотрел на меня – довольная улыбка не сходила с его лица. Я взглянул на Саню – тот молча кивнул, мол «давай, спрашивай... хуже всё равно не будет.»

– Это ты похищаешь рейнджеров?

– Я, – на лице гаальца не читалось абсолютно никаких эмоций: всё эта натянутая улыбка...

– Зачем?

– А твой интеллектуальный уровень позволит понять меня?

– В двух словах... мы не на научной конференции, – отрезал я.

– Что ж, – надул губы гаалец. – Тогда слушай. Известна ли тебе услуга предоставления пилотам возможности приёма биостимуляторов в Медицинских центрах?

Я кивнул. Гаалец продолжал:

– Эти стимуляторы изготавливаются по несколько сотен дней на дорогом оборудовании путём сложных химических преобразований исходных веществ в высшие аминокислоты.

Гаалец остановился. Очевидно, он считал, что уже ответил на мой вопрос и ждал следующего. Но мне так не казалось.

– И что? При чём тут рейнджеры?

– Сразу видно, ты ничего не смыслишь в этом деле. Иначе б давно догадался, – вздохнул гаалец. – Не соизволишь ли теперь ты поотвечать на мои вопросы. Знаешь ли, мне очень скучно тут просиживать дни напролёт и играть самому с собой в иике-баану. Мне тоже хочется общения. А наше с тобой, вплоть до этой минуты, напоминало какую-то викторину, в которой я участник, а ты ведущий. Поменяемся местами! Ты ведь не глупый – я надеюсь, что ты сам придёшь к ответу. Итак, не напомнишь ли мне, какие именно рейнджеры пропадали без вести?

– Феяне?

– Очевидно я ошибся в тебе, – гаалец хлопнул себя ладонью по лбу. – Нет, не феяне. Неужели Дзухаллаг даже не заметил закономерности в пропажах?..

– Но я не работник... – хотел было воспротестовать я, но тот продолжал.

– Пропадали лучшие в галактике рейнджеры. Лучшие из лучших, что они доказали на полях сражений, в торговле и дипломатическом посредничестве. Я даже боюсь спрашивать, не догадываешься ли ты, зачем нам нужны были именно отличные рейнджеры.

– Вы продавали их в рабство?

– Ты что, издеваешься?! – всхлипнул гаалец. – Нет, не продавали мы их ни в какое рабство. Мы извлекали их ДНК и изготавливали собственные стимуляторы на её основе!!! Если рейнджер достиг успехов, то это не спроста! Успешность в любом случае, в той или иной мере, заложена в его ДНК. Вместо многодневного синтеза дорогущих реагентов мы получали готовый базис для сыворотки за считанные часы и с минимальной себестоимостью. Рейнджеры гибнут каждый день, правда?! Так почему Дзухаллаг всё же так должно было заинтересовать их исчезновение без вести???

Повисла тишина. Гаалец тяжело дышал – наверно, мои бестолковые ответы вывели его из себя. Он явно был не глупым, раз догадался до такого, точнее до реализации такого дельца. Созрела новая порция вопросов.

– А зачем нужно было похищать всё новых и новых рейнджеров? Одну и ту же ДНК можно клонировать бесконечное число раз.

– В идеале, да. Но как в природе не существует ничего вечного, так и не существует идеального. Приборы с каждым последующим клонированием дают некоторую погрешность в коде. В итоге после 100-150 копий, ДНК одного рейнджера теряла уникальность, а брать одну и ту же по несколько раз не позволяет особенность оборудования, так как код откладывается в базе данных, и последующее использование повторной ДНК на выходе не даёт ничего полезного.

– Купили бы более прогрессивное оборудование, и вас бы точно никогда не обнаружили, – изрёк я.

Гаалец расхохотался:

– Другое оборудование?! Ха-ха... Эти приборы собирал я сам, собственными руками, и потратил на это половину своей жизни. Чтоб собрать новые, мне не хватит оставшихся, предначертанных судьбой дней.

– Да я просто валял дурака, – попытался оправдаться я за действительно глупый вопрос. – А теперь серьезно – у тебя должна быть налаженная схема поставки, ведь так.

– Именно, – гордо воскликнул он. – У меня контракт с несколькими пиратскими базами в ближайших секторах. Данные стимуляторы – мой вклад в развитие пиратства, но и обеспечение безбедной старости

– Погоди-ка, – вмешался в наш диалог Саня. – Я что-то никогда не слышал про распространение стимуляторов на пиратских базах.

– Информация об этой услуге циркулирует только самыми надёжными каналами! Рекламы не увидеть по стереовидению.

Гаалец захохотал адским смехом, стоявшие тихо до этого момента малоки подхватили смех.

– Зачем ты нам это рассказал? – спросил Саня.

– Как я уже сказал, мне очень хотелось с кем-то поговорить. Ваш интеллект оставляет желать лучшего, но всё же не идёт в сравнение с мизерными зачатками у вот этих «шкафов», – гаалец ткнул пальцем в сторону малоков, которые тут же перестали хохотать. – А второе – это моё врождённое сочувствие. Не очень хотелось убивать вас не поинформировав перед смертью обо всех тайнах загадки, которую вы стремились разгадать, но не учли всего и просчитались. Нехорошо бы было отправлять вас на тот свет в неведении.

– Стой, стой! – я понимал, что этими разговорниками лишь оттягиваю неизбежное, но про тезис, что перед смертью не надышишься, забыл в этот момент. – Зачем вы убивали всех рейнджеров, ДНК которых брали? Вы ведь убивали их?

– Конечно убивали! – слово «убивали» прозвучало как-то маниакально из уст гаальца. – Понимаешь, все рейнджеры, попадавшие к нам в руки, были принципиальны и любопытны. Когда мы предлагали им добровольно поспособствовать нам, они наотрез отказывались, мотивируя это чистоплотностью своих принципов. Потом робко интересовались, зачем это всё нам. Я отвечал на их вопросы прямо и полно – прямо, как вот сейчас на ваши. Тогда они уже отказывались не только из-за принципа, и без применения силы мы не могли обойтись. В то же время, получалось, что они знают мой секрет. И отпускать их живыми было б равноценно самоубийству. Ну всё, хватит трепаться! Время – деньги, да и вы двое мне порядком уже поднадоели.

Гаалец кивнул – малоки вскинули бластеры и направили их в нашу сторону. Сам гаалец встал из-за стола и направился к ним.

– Хочу посмотреть вам в глаза, когда вы будете умирать, – сказал он, становясь между малоками. – Знаете, я не люблю плазменные винтовки, потому что после того, как она поразит цель, от той не остаётся ничего кроме кучки полужидких останков. Бластер же сделает в цели приличных размеров дырку – не более. И после того как враг падёт, можно подойти к нему, плюнуть в лицо и сказать сакраментальное «я оказался лучше». Ох, это чувство превосходства, как оно будоражит!

Гаалец опять расхохотался.

– Бывают же уроды и среди вашей рассы, – сплюнул в его сторону Саня.

Гаалец хотел было что-то возразить, но когда плевок долетел до земли, раздался оглушительный взрыв. Что-то тяжёлое обрушилось на плечи и голову... Темнота.

Глава 14

Я очнулся лежащий на мягкой койке. С потолка бросали мягкий свет парциальные светильники.

Страшно болела голова. Я дотронулся до неё – она была перебинтована. Я приподнялся.

– Доброе утро, – послышался из-за спины металлический голос.

Я обернулся – у койки стоял дроид-санитар.

– Вам стоит принять эти лекарства.

Дроид вытянул руку-манипулятор, в которой держал небольшой пузырёк с несколькими таблетками на дне. Я взял его и залпом проглотил пилюли.

– Где я?

– Вы на борту санитарного фрегата «Золотая звезда».

– Как я сюда попал?

– Челнок, на котором прилетели вы и ещё один гуманоид, запросил разрешения на приземление, когда наш фрегат находился в системе Арракис, захваченной на данный момент доминаторами серии «Келлер».

– Куда мы летим?

– Курс проложен к планете Земля, наш фрегат перевозит видных деятелей планеты Игмейриш в тыл.

– Ты сказал, что со мной был ещё один человек. Что с ним.

– Обернитесь, – сказал дроид и покатился прочь.

Я последовал совету робота и обернулся. Неподаляку стоял Саня. Он улыбнулся и подошёл ко мне.

– Ну как самочувствие? – спросил он.

– Голова раскалывается. Сколько дней я был без сознания?

– Дня три-четыре. Сложно сказать. Мы ведь в космосе.

– Что произошло там, на Жинтибусе?

– Ничего особенного. Когда-то мне поставили искусственный зуб с капсулой с нитроглицерином внутри. Вот, собственно, пригодилась она.

– Ты взорвал базу? Что с тем противным гаальцем?

– Взорвал? Что ты – нет конечно. Заряда хватило только чтоб оглушить Галаца и его охрану... и тебя – случайно. Сейчас они, а ещё и учёные из лаборатории отсиживаются в корабельном карцере. А сразу после этого всего я вызвал специалистов из штаба чтоб изучили оборудование. Уверен, оно вызовет интерес у учёных всей галактики.

– На пользу?!! Ты ведь из Дзухаллага, разве ваша задача не саботаж и сеяние раздора? – вспылил я.

– Тише, не нервничай, тебе сейчас нужен покой. Понимаешь, Дзухаллаг – это разведка. Как и в любой крупномасштабной организации, в ней есть свои отделы. Одни занимаются саботажем на радость и пользу пеленгам, другие, совершенно не связанные с теми, зачастую даже не ассоциируемые с Дзухаллагом, работают во благо всей Коалиции. Я как раз из такого, разве не говорил?

– Не помню... голова трещит. Далеко ещё до Земли.

– Мы почти прилетели – скоро приземление. Идти можешь?

Я встал с койки. В ногах чувствовалась слабость, но идти я смог. Мы прошли в столовую, где немного перекусили. Как раз когда трапеза была закончена, фрегат приземлился.

Покинув фрегат и ступив на трап, я сделал глубокий вдох. Воздух индустриальной Земли никогда не казался мне чистым, но сейчас казался таковым, как никогда прежде.

– Вот и закончилось моё рейнджерство. – сказал я, спускаясь по трапу.

– Это почему же? – спросил идущий рядом Саня?

– Нет корабля – нет рейнджера. Так ведь?

– Кто тебе сказал такую глупость?

– Кто-то из должностных лиц, когда я получал значок рейнджера.

– Смешно. Неужели ты до конца дней собирался летать на той развалюхе, что тебе всучили распорядители?

– Нет. Я знаю что можно покупать новые корабли... – тут-то я и запнулся. – Да уж, глупо получается. Я над этим даже как-то не задумывался – времени не было.

– Ты рейнджер, пока носишь это, – Саня коснулся рейнджерского значка, висящего у меня на груди, – он сделан из сверхпрочного биослотового металла. Внутри находится механизм, настроенный на отслеживание колебаний, излучаемых твоих телом. Для каждого гуманоида частота колебаний индивидуальна. Даже находясь за десятки световых лет от законного обладателя, значок будет продолжать фиксировать колебания твоего организма. И поверь мне, уж легче умереть, чем уничтожить этот значок. Ведь только так можно добиться того, чтоб он перестал улавливать колебания, и тебя вычеркнули из списка живых рейнджеров.

– А что если я просто не хочу больше быть рейнджером. Я спрашивал об этом, но, чувствуя, мне и тогда навешали лапши на уши.

– Ты можешь явиться в Центр рейнджеров и сдать значок, выплатив при этом неустойку. Но поверь, лучше платить до конца жизни штрафы за бездеятельность в рейнджерстве, чем выплатить эту неустойку, количество нулей в которой заставит нервно дёрнуться даже самого богатого толстосума.

Я нервно сглотнул.

– Да не переживай ты так. Я сообщу куда положено, что ты мне помогал в деле разоблачения этих бандитов-генетиков и тебе спонсируют новый корабль. Может, ещё и наградят. Посмертно. Ещё взмоешь в космос, если будет желание.

– Не в ближайшее время. Впечатлений осталось на жизнь вперёд.

Сойдя на поверхность Земли, мы остановились.

– Саня, у меня к тебе ещё один вопрос. Почему тогда, в космопорту ты заговорил со мной на тему исчезновения рейнджеров? Для меня это до сих пор непонятно.

– Как тебе сказать... не обидишься?

Я отрицательно покачал головой. Саня продолжил:

– Я надумал использовать тебя в качестве подсадной утки. Сделали б из тебя супер-пупер рейнджера. А, учитывая, что о тебе до сих пор слышно не было, и тут такой результат, наш бандит быстро бы клюнул на этот спектакль.

– Только Дзухаллаг мог такое придумать. Хорошо, что всё обошлось без этого, потому что не знаю, как бы отреагировал тогда на такое предложение.

Мы рассмеялись.

Итак, куда сейчас? – спросил я.

– Пойду займусь доправкой преступников в положенное место. А ты, полагаю, домой, на ферму.

– Именно.

– Вон тот пассажирский глайдер идёт в наш город. Поторопись, он скоро отбывает. И удачи.

Мы пожали друг другу руки, я пошёл к глайдеру, а Саня по трапу направился обратно на борт фрегата.

Ключ лежал там, где я его и оставил – под ковриком для ног у входа. Я отпер дверь: та со скрипом поползла в сторону. За время моего отсутствия, поле поросло сорняками, а в доме всё покрылось приличной толщины слоем пыли. Я поднялся на второй этаж, переоделся в рабочую одежду, а рейнджерскую форму аккуратно сложил и засунул в шкаф.

– До лучших времён. А пока будет чем заняться, – сказал вслух я, беря в руки турбометлу.